

ДНЮ УЧИТЕЛЯ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Выставка-лекция

**«Уроки и
перемены»**

Спасибо за дни школьные, былые,
Желаем здоровья, добра, долголетия,
И счастья пусть хватит Вам на столетие!
Чтобы сердцу хотелось и жить и любить!
Вы к детям дорогу сумели найти,
Пусть ждут Вас успехи на этом пути!

Учителя!

Есть что-то неизменное, традиционное, вечное в образе учителя, любящего свой труд и любимого детьми. Меняются времена, меняются системы образования, не говоря уже о программах, однако в лучших наших учителях повторяются прекрасные черты лицейских учителей Пушкина. Это связано с тем, что учителю, независимо от предмета преподавания, всегда приходится вести учеников от азов к вершинам, от прошлого к будущему, первым замечать новые черты юных поколений и быть хранителем духовной преемственности подростков. Такова миссия учителя на все времена.

Споры о том, каким должен быть учитель, представляются малополезными. Потому что человеку, избравшему профессию учителя, следует оставаться прежде всего самим собой – этим и привлекательна работа в школе, с детьми, дающая такие возможности проявления личности, какие не сыщутся ни в одной другой профессии. Поэтому все хорошие учителя не похожи друг на друга, а все плохие кажутся нам на одно лицо.

Давно замечено: взгляд, не отягощенный ведомственной искушенностью, не зашоренный цеховой ограниченностью, способен иной раз свежо и ярко выявить то, к чему присмотрелись, с чем свыклись. Писателям, представленным в рамках этой выставки, по-разному удалось рассказать о воспитательной палитре педагогов. Входя в тонкости их работы и жизни, авторы напоминают нам о том, как трудно порой утверждается новый воспитательный опыт. Благородные начинания их героев нередко встречались с непониманием, равнодушием и неприятием. И эта сторона судьбы учителей заставляет задуматься о бережном отношении к учительскому таланту – этому бесценному достоянию нашего общества.

Среди встреч, которые ждут читателя на страницах представленных книг, будут и неприятные. Понятно: не всем обладателям педагогических дипломов оказывается по плечу миссия учительства. Отсюда и «педагогический негатив».

Марку Твену принадлежат слова: «Правда всемогуща, и она победит...». Можно на этом оборвать мысль, но Марк Твен добавил: «Должен сказать, что это не соответствует действительности». Сказано с грустью человеком, знающим жизнь. Но все-таки верится, что ничто содеянное в чистоте помыслов и на благо человеку не исчезает бесследно, что духовный опыт не пропадает. Учительство – **что** оно такое само по себе, как не передача духовного опыта из рук в руки.

Исчезнуть дух учительства практически не может, и доказательством тому многие примеры духовного учительства героев представленных книг.

Отношение к учителю в российском обществе всегда было неоднозначным. Вероятно, причина в том, что большая ответственность ложится на педагогов. От них зависит, каким будет следующее поколение, какие ценности будут преобладать у молодых. Однако на каждом этапе исторического развития требования к личности меняются, поэтому меняются требования к учителю. Педагогу приходится идти в ногу со временем. Кроме того, любые действия учителя всегда оцениваются с разных точек зрения: учеников, их родителей, коллег, руководства и т. д. Человек этой профессии всегда находится в центре внимания. Есть еще и нравственный аспект в работе учителя: педагогическая ошибка мало заметна, но ее последствия могут оказаться катастрофическими.

Исследуя специфику отношений учителя и социума, нужно обратить внимание на **дореволюционный** период исторической действительности, т. к. именно тогда стали закладываться основы современных отношений.

Беспрекословное подчинение учителю, безусловная правота педагога стали возводиться в ранг школьного закона в 1-й половине 19 в. В этот момент стала формироваться государственная система образования, и Николай I не случайно взял за основу прусскую систему. Такой вариант привлекал царя четким единообразием программ, учебников, методов и позволял контролировать систему воспитания и обучения. Должность учителя представляла собой низкий чин. Любой вышестоящий мог проверить деятельность педагога, неверно ее оценить, и учитель не мог за себя постоять. В таких условиях у педагога не оставалось времени на творчество, и система шаблонов проникла в сферу образования. Творческое начало было сведено к соблюдению дисциплины, следовательно, стал формироваться стереотип «Учитель всегда прав», даже если он не прав. Особенности личности учителя определялись следующими явлениями: низкой престижностью положения, привычкой подчиняться, невозможностью высказать свое мнение, страхом, вызванном постоянными проверками, и при этом уверенностью в своей власти над учениками.

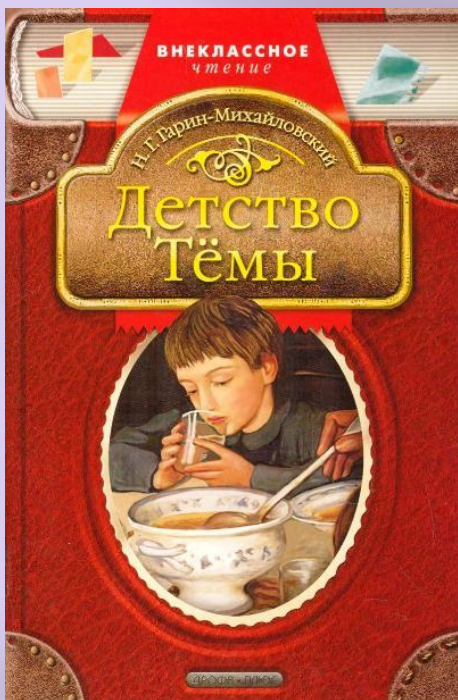
Образ учителя встречается во многих произведениях русской классики, которые мы изучали на уроках литературы. Например, в повести **Льва Николаевича Толстого «Детство»** один из персонажей – Карл Иванович является учителем главного героя Николеньки и его брата. Он был очень справедливым, помогал отлично усваивать материал. Но Карл Иванович не просто преподавал свой предмет. Он любил своих воспитанников, относился к ним с нежностью, стал своим человеком в доме, чувствовал детей родными. В этом произведении приобретает звучание такая тема, связанная с учительством, как неблагодарность. Всегда ли ученики и их родители ценят учительский труд, способны ли понять душевные усилия тех, кто отдает себя всецело тем, кого учит. Так Карл Иванович обижен, когда отец Николеньки хочет с ним расстаться, потому что дети выросли.

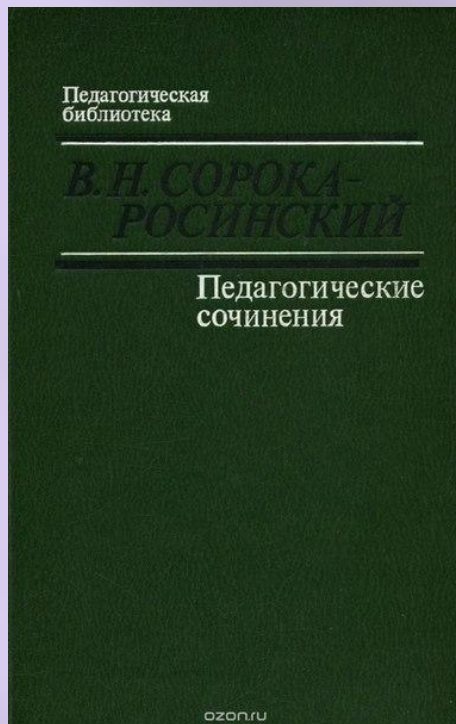
Гарин-Михайловский, Николай Георгиевич.

Детство Темы ; Гимназисты : повести /Н. Г. Гарин Михайловский ; [авт. послесл. И. Юдина]. – М. : Худож. лит., 1964. - 430 с.

Повесть "Детство Темы" не автобиография в точном смысле слова, но в целом она дает достаточно верное представление об атмосфере, в которой формировалось отношение ее автора к жизни. Это была атмосфера традиционного дворянского быта, с его вековым укладом, моралью и идеологией. Детство Михайловского совпало с эпохой реформ 1860-х гг., и вызванная ею решительная ломка старых устоев отразилась на настроениях мальчика. Он тянулся к своим сверстникам из семей бедных ремесленников и рыбаков, ему скучно было возвращаться к чинной жизни благовоспитанного барчука. И домашнее воспитание сдерживало непосредственные порывы чувств и желаний, рождая в душе мальчика смятение и нередко приводя к потере нравственного ориентира. Первоначальное образование Михайловский, как и герой его романа, по традиции дворянских семей, получил дома под руководством матери. Годы учебы в одесской Ришельевской гимназии он описал в "Гимназистах". Михайловский рассказал о стремлении Артемия Карташева и его друзей обрести свой взгляд на мир об их поисках идеалов и справедливости, об их увлечении передовыми идеями 1860-х гг. и желании разобраться в сложных социальных проблемах, но главное - о том, как эти стремления и желания подавлялись и семейным воспитанием, и жизнью, и воспитанием гимназическим. Во второй части тетралогии Гарин рассказал о том, как гимназия коверкала душу. Она не могла дать молодому человеку того идеала, который помог бы ему в будущем обрести жизненную цель.

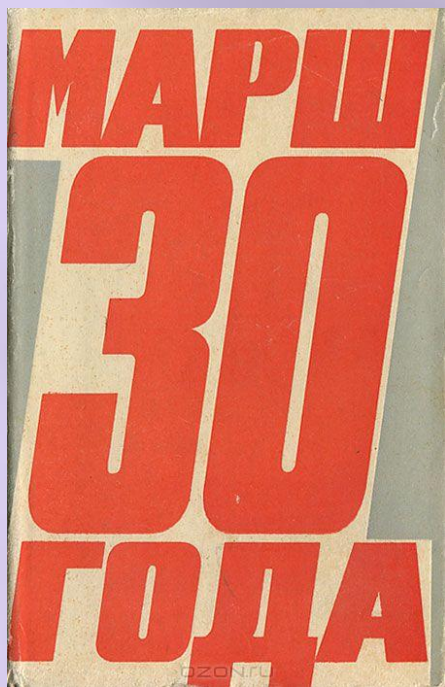

В первой части автобиографической тетралогии, посвященной ранним детским годам, Гарин-Михайловский крайне достоверно описал внутренний мир ребенка. Для тех, кто забыл, что такое детство, он воскресил его мироощущение: каким огромным, ярким кажется мир, каким необыкновенным все новое, с другой стороны, в каком полном подчинении у взрослых находится малыш (что является неизбежным, но, к сожалению, может послужить источником многих бед). В повести затронуты актуальные для своего времени социальные вопросы: общественное неравенство, бедность, формализация образования. Но она интересна и своей педагогической составляющей. Для воспитателей в ней найдется немало полезных наблюдений. Гарин-Михайловский описал переломный момент в жизни ребенка – выход из жизни семейной в жизнь общественную. Для Темы меняется все и, прежде всего, отношение к нему взрослого мира. В детской, несмотря на свои шалости, он – любимое дитя, в гимназии он – один из множества, просто запись в журнале. Как и всякий другой ребенок, Тема болезненно переживает этот переход. Для него поддержка родителей, их любовь – просто спасение. Прочитав главу про преступление и наказание Темы (про один из тяжелейших дней в его жизни), ясно понимаешь, как вредны, а главное, бессмысленны телесные наказания. Душераздирающая сцена порки, описывающая боль, ужас, бессилие, злобу и ненависть Темы, доказывает, что нельзя делать с детьми ничего подобного. Нельзя, если вы хотите воспитать людей, а не зверей. В повести показана тонкая, каждодневная, трудная работа воспитателя. Мать Темы – умная женщина, она прекрасно понимает, что воспитание возможно только при наличии доверия ребенка к своему воспитателю, а доверие основывается на любви. Вот и весь секрет педагогического авторитета. В результате Тема всегда любил и слушался свою мать, но не отца, для которого авторитет основывался на страхе и наказании. В образе Темы – непоседливом, непослушном, ранимом мальчике мы узнаем своих детей. Сочувствуя ему, мы сочувствуем своим детям, и даём себе слово сделать их счастливыми.

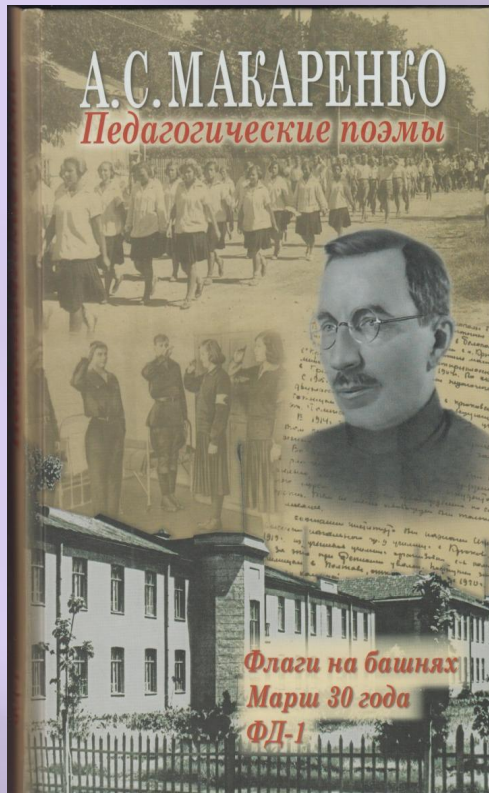
В первые **послереволюционные** годы отношения между учениками и учителями сильно изменились. Свободное общение и диспуты, совместная работа учкомов (ученических комитетов) и администрации, даже некоторая анархическая вольница среди учеников – всё это способствовало демократизации школьной жизни. Тем не менее, главный стереотип дореволюционной школы «Учитель всегда прав» окончательно укрепляется.

Новая советская школа взяла все лучшее из школы старой. И постепенно вырабатывала свой опыт, создавала свою педагогическую науку. И конечно, не без ошибок. Например, Макаренко считал, что метод социально-индивидуального воспитания, предложенный В.Н. Сорокой-Росинским (Викниксор), никуда не годится. Но если метод и был наивен, сколько беспризорников школа им. Достоевского вывела на правильный путь. В деле воспитания всегда очень многое значит не столько теория, сколько личность воспитателя. А В.Н. Сорока-Росинский был настоящим гуманистом. Но, кроме ошибок талантливых и искренних педагогов, в истории школы первых послереволюционных лет запечатлены и ошибки тогдашних теоретиков, весьма далеких от школы. («Комплексные программы», «Метод проектов»: не на уроках, а самостоятельно изучать предмет, «Бригадный метод»: когда один ученик отвечает за всю бригаду). Делались попытки изгнать учебники. Крепко досталось отечественной истории и литературе. Но настоящие учителя, остававшиеся в школе, не подвластны никаким распоряжениям, если они не на благо их ученикам. Так было и в школе, где учился Костя Рябцев и в др. школах. И начинает рождаться новая школа – трудовая, с ее демократизмом и широкими правами детского самоуправления. Воспитание в коллективе началось прежде всего с колонии, где работал Макаренко.

Макаренко, Антон
Семенович.

Марш тридцатого года
[Текст] / А. С. Макаренко ;
[сост., авт. предисл. Г. И.
Легенький, авт. предисл. В.
Бейлинсон]. - М. :
Просвещение, 1967. - 311 с. :
Описание школы-коммуны,
насыщенное
документальными
материалами и
воспоминаниями
сотрудников и учеников А.С.

**Макаренко, Антон
Семенович. (1888-1939).**

Педагогическая поэма :

[роман] / А. С. Макаренко ;

**[сост., авт. вступ. ст., примеч. и
коммент. С. С. Невская]. - М. :**

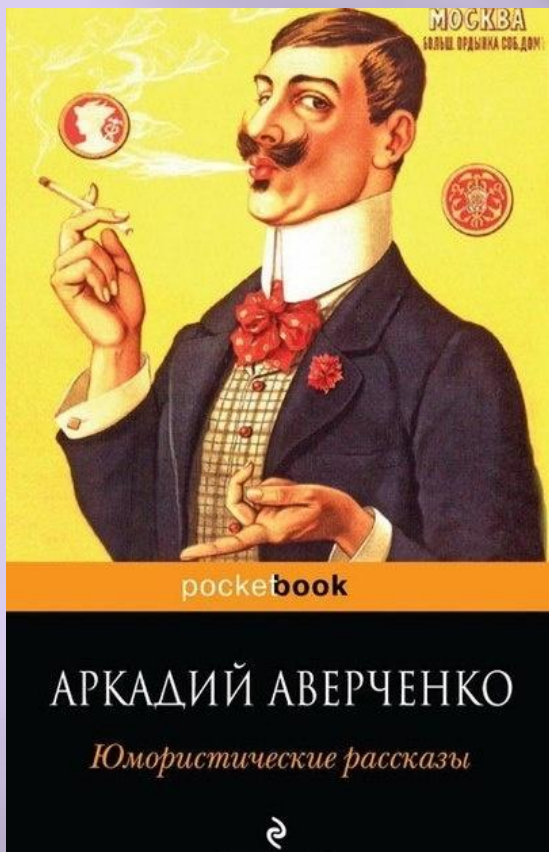
ИТРК, 2003. - 718, [1] с.

Белых, Григорий Георгиевич.

Республика ШКИД [Текст] : повесть / Г. Г. Белых, Л. Пантелеев ; [худож. С. Спицын]. - М. : Дет. лит., 2005. - 462 с. - (Школьная б-ка).

Замечательная повесть о жизни одного из детских домов 20-х годов XX века – школе индивидуального социального воспитания им. Достоевского – сокращенно ШКИД, рассказанная её бывшими воспитанниками. Нелегко учителям было обуздать буйную ораву подростков, сызмала привыкших к вольной жизни. Многие воспитатели оказывались, несмотря на свой зрелый возраст, наивными младенцами, очутившись лицом к лицу с этими прожженными ребятами. Острым, наметанным глазом шкидцы сразу же находили у педагога слабые стороны и в конце концов выживали его или подчиняли своей воле. На ребят не действовали ни грозные окрики, ни наказания, ни, тем более, попытки заигрывать с ними. Всего лишь нескольким воспитателям и не сразу удалось найти верный тон в отношениях с ребятами. Но упорная борьба двух лагерей длится почти до конца повести. Один лагерь – это «халдеи», довольно пестрый коллектив педагогов во главе с неистощимым изобретателем новых тактических приемов и манёвров, заведующим школой Викниксором. Другой – орда лукавых и непокорных шкидцев. Какой сложный и причудливый сплав постепенно образуется в Шкиде, где увлекающийся педагогическими изысканиями Викниксор пытается привить сборищу бывших беспризорников чуть ли не лицейские традиции: то ребята сочиняют школьный гимн на мотив старинной студенческой песни «Гаудеамус», то, при эпидемии воровства в школе, заведующий выискивает социальную меру защиты от преступников, применявшуюся в Др. Греции – остракизм. Викниксор хорошо понимал натуру своих питомцев и старался увлечь их новыми и причудливыми затеями. Так были придуманы школьная газета, герб и гимн школы, потом самоуправление. И самое главное – трудовое воспитание! Подчас Викниксор проявлял к своим питомцам чрезмерный либерализм, а иной раз и карцеру. Даже у талантливого Викниксора не было стройной системы, которой требовал от воспитателей Макаренко. А. С. Макаренко писал: «Собственно говоря, эта книга есть добросовестно нарисованная картина педагогической неудачи».

Аверченко А. Т. Рассказы о
старой школе / А. Т.
Аверченко // Кривые Углы :
рассказы / А. Т. Аверченко. –
М., 1989. – С. 13–36.

Москвин, Николай Яковлевич.

Конец старой школы [Текст] : повесть / Н. Я. Москвин ; худож. Д. С. Громан. - М. : Советский писатель, 1969. - 276 с. ; 16 см. - 75000 экз. - 110 р.

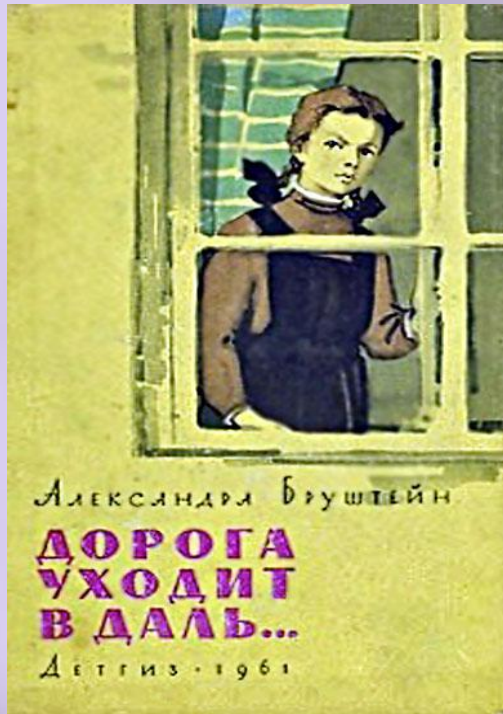
Дореволюционная средняя школа - гимназии, реальные училища. После Октября старая школа с трудом - с успехом и неудачами, с радостью и горем - перестраивалась. Все было ново, неизведанное, всё было в первый раз... Это памятное писателю Николаю Москвину время - 1912 - 1919 годы - послужило материалом для повести "Конец старой школы". В ней читатель найдёт социальную и житейскую атмосферу того времени: типы учителей и учеников, "начальствующих лиц"; попытки подростков осмыслить происходящее, активно вмешаться в жизнь; первое проявление любви, дружбы, товарищеской солидарности. Повесть "Конец старой школы" была издана в 1931 году (называлась тогда "Гибель Реального") и больше не переиздавалась.

**Попов, Николай
Иннокентьевич.**

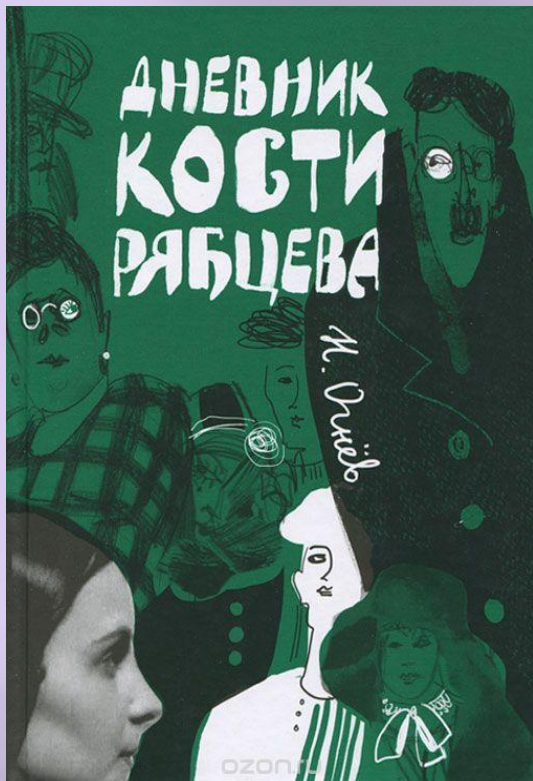
**Абанер [Текст] : хроника
школы второй ступени : [для
детей ср. и ст. шк. возраста] / Н.
И. Попов. - М. : Сов. Россия,
1972. - 175 с. : ил. - (Россия - это
мы).**

Все произведения Николая
Попова развивают одну главную
проблему – школа, воспитание
человека, роль учителя,
внимание к ученику.

Бруштейн, Александра Яковлевна.
Дорога уходит в даль... [Текст] :
трилогия / А. Я. Бруштейн ; [худож.
В. А. Фатехов]. - Москва : Сов.
писатель, 1985.

Автобиографическая трилогия.
Детство, юность героини проходят в
революционной России, в семье,
богатой демократическими
традициями. Многие страницы
произведения посвящены учёбе
героини в институте для девочек в
городе Вильно. Это книга о самой
писательнице и о людях, окружавших
ее, помогавших жить, трудиться,
бороться со злом, какие бы личины оно
не принимало.

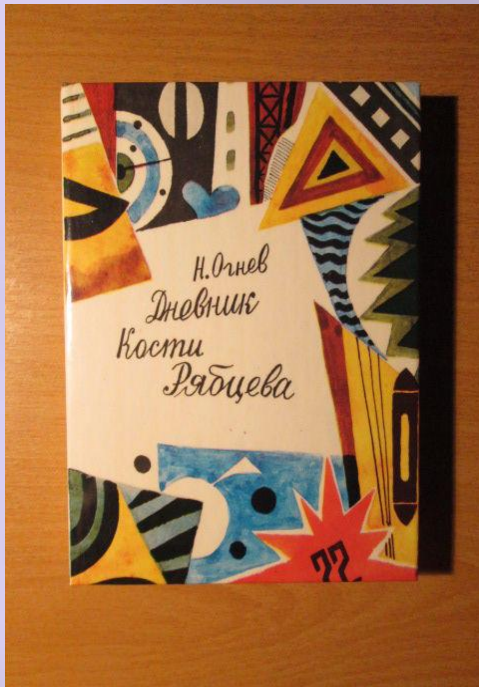
Огнев, Николай (Михаил Григорьевич Розанов).

Дневник Кости Рябцева [Текст] / Н. Огнев ; [авт. вступ. ст. Л. А. Кассиль].
- М. : Худож. лит., 1966. - 237 с. : портр. - 0.53 р.

Книга о школе первых лет революции, о пресловутом Дальтон-плане. Форма повести – дневник ученика – даёт возможность писателю дать яркую картину жизни школьной и рабочей молодёжи 20-х годов. Школа еще блуждает в поисках новых форм обучения, еще владеет ею пресловутый "Дальтон-план", про который Костя пишет так:

"Это такая система, при которой шкрабы ничего не делают, а ученику самому приходится все узнавать. Я так, по крайней мере, понял. Уроков, как теперь, не будет, а ученикам будут даваться задания. Эти задания будут даваться на месяц, их можно готовить и в школе и дома, а как приготовил - иди отвечать в лабораторию. Лаборатории будут вместо классов. В каждой лаборатории будет сидеть шкраб, как определенный спец по своему делу..."

Если читатель вспомнит, что "шкрабами", по тогдашней модной привычке сокращать наименования, ученики звали школьных работников, то все остальное в этом описании будет для него ясным и довольно точно рисующим положение в школе после введения "Дальтон-плана". Как известно, воцарение "лорда Дальтона" в тогдашней, едва лишь оправившейся после разрухи, не имевшей однородного по подготовке контингента учащихся, школе ни к чему путному не привело. Это было в тех условиях одним из утопических заблуждений, которыми у нас грешили в первые годы существования новой, советской школы, когда как раз прежде всего требовалось ввести строгую учебную дисциплину, установить четкий порядок занятий и необходимый повседневный контроль. Сохраняя почти документальную точность интонации, стремясь оставаться все время на уровне понимания, свойственного возрасту героя, нелегко было изобразить характеры взрослых людей, окружающих Костю Рябцева.

Но надо сразу сказать, что писатель уверенно справился и с этой весьма трудной, при избранном жанре, задачей. Мы хорошо видим сложный характер Никпетожа, как сокращенно окрестили школьники учителя Николая Петровича Ожигова, в образе которого внимательный читатель, может быть, распознает что-то роднящее этого симпатичного педагога с самим автором - Николаем Огневым. Никпетож - типичный для того времени представитель передовой интеллигенции, одолеваемый еще некоторыми противоречиями, характерными для его социального слоя. Но это человек большой и чистой души и полный горячего сочувствия революции, хотя и не сразу увидевший свое место в общем строю народа-революционера. Он лучше других педагогов понимает Костю, умеет даже за промахами и проступками своего воспитанника рассмотреть его благородные устремления. И естественно, что именно к Никпетожу идет Костя Рябцев со всеми своими бедами, сомнениями и признаниями.

Бегло, но убедительно дан характер другого педагога - Алексея Максимовича Фишера ("Алмакфиша"), который во всех трудных случаях школьной жизни обходится одной и той же мало вразумительной, но удобной для него формулой: "Количественно - изобилие эпохи, а качественно стоит по ту сторону добра и зла". Чуть что, Алмакфиш, как щитом, прикрывается этой спасительной для него философической тирадой, предпочитая избегать ответа на сложные вопросы и прятаясь от них "по ту сторону добра и зла".

Если Зинаида Павловна ("Зин-Пална"), при всей ее строгости, импонирует Косте своим взыскательным, вдумчивым отношением к жизни, к ученикам и сдержанным, не всегда видным постороннему глазу великодушием, то Елникитка (Елена Никитична Каурова) так и остается для Кости, да и для всех ребят, не терпящих мелкой, придиричливой, назойливой опеки, далеким человеком. Эта учительница лишена способности постигать истинный смысл ребячьих поступков и побуждений.

Шаров, Александр Израилевич.
Окоем [Текст] : повести, воспоминания /
А. И. Шаров ; [авт. послесл.: Б.
Чичибабин, П. Спивак ; худож. Н. Г.
Гольц]. - М. : Сов. писатель, 1990. - 444,[2] с.

"Окоем" - первая посмертная книга известного советского писателя Л.И. Шарова. В нее включены лучшие произведения прошлых лет - "Повесть о десяти ошибках", "Жизнь Василия Курки", а также не публиковавшиеся ранее повести "Поминки" и "Окоем". Последняя является продолжением "Повести о десяти ошибках", в ней действуют молодые герои, учащиеся школы-коммуны.

КЛАССИКА В ШКОЛЕ

Ф. А. Искандер

*Тринадцатый
подвиг Геракла*

Искандер, Фазиль Абдулович.

Тринадцатый подвиг Геракла : рассказы / Ф. А. Искандер. - [б. м.] : Сов. Россия, 1966. - 136 с. : ил. - (Короткие повести и рассказы).

В рассказе **Фазиль Искандера «Тринадцатый подвиг Геракла»** еще один образ необыкновенного учителя, сеющего «разумное, доброе, вечное». Это – Харлампий Диогенович – веселый человек, постоянно смешит своих учеников. Его шутки были добрыми, и дети не обижались на них. Харлампий Диогенович знал, что дети боялись, когда их высмеивают, поэтому, применяя методику «высмеивания», он рассчитывал, что дети будут лучше учиться! Отчасти у него это получилось. Харлампий Диогенович, как утверждает сам рассказчик, не был «слабохарактерным», как другие учителя. Это был справедливый человек, который не потакал своим ученикам, и, безусловно, любил их. Его шутки были добрые, без сарказма: «это был не стихийный смех, а веселье, организованное сверху самим же учителем. Оно не нарушало дисциплины, а служило ей, как в геометрии доказательство от обратного». Остроумие, когда оно не оскорбляет другого человека, вызывает уважение. Герой понимает, что ирония учителя призвана была воспитывать учеников, искоренять их недостатки и развивать нравственное начало. Любой поступок учителя прежде всего оценивается им самим, поскольку он должен находить отклик в душах учеников, даже если внешне способ педагогического воздействия не кажется приемлемым. Герой с благодарностью говорит об учителе, потому что

Платонов, А. П. Песчаная учительница / А. П. Платонов // На заре туманной юности : повести и рассказы / А. П. Платонов. - М., 1990. - С. 110-116.

Рассказ «Песчаная учительница» является одним из лучших рассказов Платонова, созданных в двадцатые годы. Молодая учительница, лишь недавно сама закончившая обучение, встретилась лицом к лицу с природной стихией. Село, в которое она попала, было почти занесено песком. На улицах лежали целые сугробы песка, который доходил до подоконников домов. Каждый день крестьянам приходилось очищать усадьбы от песчаных заносов. Молодая учительница впервые столкнулась с тяжелой действительностью, но не пала духом.

Мужественно она начала работу в школе.

Учительница собрала подписи крестьян и принесла заявление в окружной отдел народного образования, она просила помочь крестьянам в борьбе с песчаной стихией. В рассказе писатель показал высокую нравственную силу девушки, которая не сдалась перед трудностями. Мария Никифоровна убедила крестьян посадить лесные защитные полосы вокруг орошаемых огородов. По ее рекомендациям были посажены сосны, сберегающие влагу и хранящие посевы от песчаных ветров. Крестьяне прониклись верой в молодую женщину.

Образ сильной и смелой женщины раскрывается перед читателем в этом рассказе. Мария Никифоровна помогла народу преодолеть разбушевавшуюся стихию.

В этом рассказе свелись воедино две основные темы творчества Платонова. Он показал силу народного

К 30-м годам причиной этого стала политическая система того времени, которая нашла отражение в школьной деятельности. Учителя были лишены инициативы. Правильным считалось лишь то, что спущено «сверху». Жестко регламентировано всё: от содержания обучения до формы взаимоотношений. Несмотря на это школа 30-х годов формирует у учащихся высокие идеалы, ценные качества личности: человечность, честность, сострадание, верность революционным идеалам. Положение учителя постепенно меняется. Если до революции отношения учеников к педагогу было скорее негативным, то в 30-е гг. оно становится иным. Взгляды школьников меняются под воздействием педагогов. Теперь отношение учителя к работе нельзя назвать формальным: он по-настоящему заинтересован в будущих поколениях и делает всё, чтобы вырастить достойных людей. Отношения учителя и ученика характеризуются взаимоуважением, доверием и пониманием.

Астафьев, Виктор Петрович. Фотография, на которой меня нет / В. Астафьев // Конь с розовой гривой / В. Астафьев. – М., 1998. – С. 231–255.

В рассказе В.П.Астафьева «Фотография, на которой меня нет» автор подчеркивает, что учитель является особым человеком среди жителей русской деревни тех лет (30-х годов): «Он был главным затейщиком, агитатором и пропагандистом в деревенском клубе, учил ребят играм, танцам, организовывал комедийные, злободневные представления, участвовал во всех сельских торжествах». В годы, описанные В.П.Астафьевым, учитель имел очень большой авторитет. Вероятно, причина этого кроется в том, что учителям приходилось нелегко, но они самоотверженно трудились, обучая юное поколение, жители деревни относились к ним с благоговением. Основными причинами такой популярности учителя представляются его вежливость, уважение к жителям, гуманность, активность, доброта, интеллигентность, коммуникабельность и искренность.

Каждый день мы ходим в школу, каждый день мы встречаем одних и тех же учителей. Одних из них мы любим, других – не очень, одних уважаем, других – побаиваемся. Но вряд ли кто-нибудь из нас, до рассказа **В. Г. Распутина «Уроки французского»**, задумывался о влиянии личности определенного учителя на всю нашу дальнейшую жизнь.

Распутин, Валентин Григорьевич.

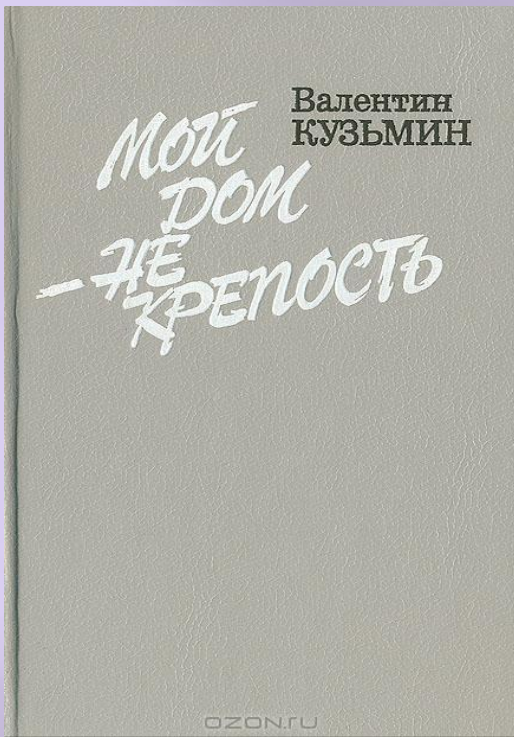
Уроки французского : повести и рассказы / В. Г. Распутин ; [авт. предисл. В. Курбатов]. - М. : Худож. лит., 1987. - 478 с. : ил. - (Б-ка юношества).

Главному герою рассказа очень повезло: в классные руководители ему досталась умная, тонкая, отзывчивая и чуткая женщина. Видя бедственное положение мальчика и вместе с тем — его способности, тягу к знаниям, она постоянно предпринимает попытки помочь ему. То Лидия Михайловна пытается усадить своего ученика за стол и досыта накормить, то посылает ему посылки с едой. Но все ее хитрости и старания пропадают даром, потому что скромность и чувство собственного достоинства главного героя не позволяют ему не только признаться в своих проблемах, но и принять подарки. Лидия Михайловна не настаивает — она уважает гордость, однако постоянно ищет новые и новые способы, чтобы помочь мальчику. В конце концов, имея престижную работу, которая не только хорошо ее кормит, но и дает ей жилье, учительница французского языка решается на «грех» — она сама втягивает ученика в игру на деньги, чтобы он имел возможность самостоятельно заработать на хлеб и молоко. К сожалению, «преступление» раскрывается, и Лидии Михайловне приходится уехать из города. Внимание, доброжелательное отношение, жертву, принесенную учительницей ради помощи своему воспитаннику, мальчик не сможет забыть никогда и через всю свою жизнь пронесет благодарность за самые лучшие уроки — уроки человечности и добра. Именно поэтому учитель вызывает уважение.

В «доперестроечное» время образ педагога характеризуется в целом положительно. Отношения ученика и учителя основаны на взаимоуважении, доверии, нравственных ценностях.

Литература XX века создала образ учителя с высокими моральными качествами, который выполнял великую миссию — образовать безграмотный народ России. Социально нравственный статус учителя был высок. Любовь к детям, преданность своему делу, готовность к самопожертвованию и высокая гражданская позиция — вот нравственные качества учителя XX века.

Образ такого педагога обрисован в следующих книгах:

Кузьмин, Валентин Григорьевич.
Мой дом - не крепость [Текст] :
роман / В. Г. Кузьмин ; [худож. И.
И. Суслов]. - М. : Сов. Россия, 1990.
- 397,[2]с.

Книга, написанная в 60-е годы, поднимает проблемы и сейчас волнующие общество: школа, взаимоотношения в семье, выбор верного жизненного пути. Роман повествует о жильцах одного дома, связанных общей работой, семейными узами, дружбой, об отношениях между ними, подчас нелегких, о том, что мешает лучше понять друг друга, самого себя, открыть сердца и двери, в которые так трудно иногда достучаться.

Лиханов, Альберт Анатольевич.

Благие намерения/ Высшая мера : повести. Рассказы. / А. А. Лиханов ; [худож.: А. Озеревская, А. Яковлев]. - М. : Современник, 1985. - 542 с. : ил., портр.

Главная героиня повести «Благие намерения» Надежда привлекает, прежде всего, силой своего характера. Это педагог по призванию. Самоотверженность, самоотдача, любовь к детям, своему делу – основные черты Нади. Она до конца честна в своих поступках. А ведь ей очень не легко было работать в маленьком городке на севере России, куда она прибыла к началу учебного года «по распределению». Она должна была воспитывать ребёнка – первоклашек из детского дома. А, значит, быть для них всем: и учителем, и воспитателем, и другом, и мамой, доброй и заботливой. Представим интернатскую лестницу перед началом занятий, стайку растерянных «малышей, прижавшихся к перилам. На каждой ступеньке – маленький человек с удивленными, печальными, непонимающими глазами». И новую их воспитательницу, почти ещё девочку, Надю, Надежду Георгиевну, тоже растерянную (готовилась преподавать литературу в старших классах, а попала к «первакам» в няни), не имеющую, понятно, ни материнского, ни учительского опыта, но потрясенную бедой этих детишек, может, и не вполне осознаваемой ими самими.

«Меня душила любовь, нежность, к этим детям, - скажет она, - мне хотелось обнять их, не каждого, не поодиночке, а всех вместе, в раз, обнять и прижать к себе».

С этого порыва юной благородной души начинается их встреча – воспитателя и воспитанников. Но повествует о ней Надежда Георгиевна десять лет спустя, когда ей уже немного за тридцать, а её малыши закончили школу и сами стоят на пороге взрослой жизни. Теперь за плечами Надежды Георгиевны немалый опыт педагогических проб, удач и ошибок. Опыт жизни, в котором радость побед не отделима от горечи поражений. Её откровенной, беспощадный к себе рассказ и есть ретроспективный анализ её первого, самого ответственного года интернатской работы.

Надей движут чувства высокие и благородные – любовь и сочувствие к маленьким питомцам, жгучее желание хотя бы частично вернуть им утраченное. «Детям автомобильных катастроф, смертей и даже землетрясений, а чаще всего человеческих ошибок и взрослой слабости, это были особенные дети, - понимает юная учительница. – Лишённые родительской ласки, они даже не знали, что она

Всё значение последнего вопроса Надя поймёт много позже, убедившись на примере нескольких детских драм и своей собственной любви к молодому журналисту Виктору, что испытать счастье и быть счастливой – далеко не одно и то же. Пока же ей немыслимо примириться с очевидной несообразностью: «Не голод, не война. Не трудно, в общем, жить. И что? Дети без родителей – вот они, у меня за плечом». «Катастрофы, беды, смерти – это осознать можно, без них мира нет, – мысленно соглашается Надя. – Но сиротство – оно непостижимо, потому что так просто: детям – всем детям! – нужны родители, если даже их нет».

Из этой максималистской убеждённости Надя (всем детям нужны родители, даже если родителей нет!) и вырывает основная коллизия повести. Надя выступает с простой и на первый взгляд, очевидно, гуманной инициативой: предложить желающим жителям городка забирать к себе бездомных детей из интерната на выходные дни. «... Я верю, что сострадание – в человеческой природе... Без него трудно оставаться человеком», – говорит она. Эта Надина уверенность даёт ей право надеяться на успех эксперимента. И в этом эксперименте были и промахи и победы.

«...Педагогика – дисциплина не точная. У неё есть допуски. Право на ошибку», – считает директор школы – интерната Апполон Аполлинарьевич.

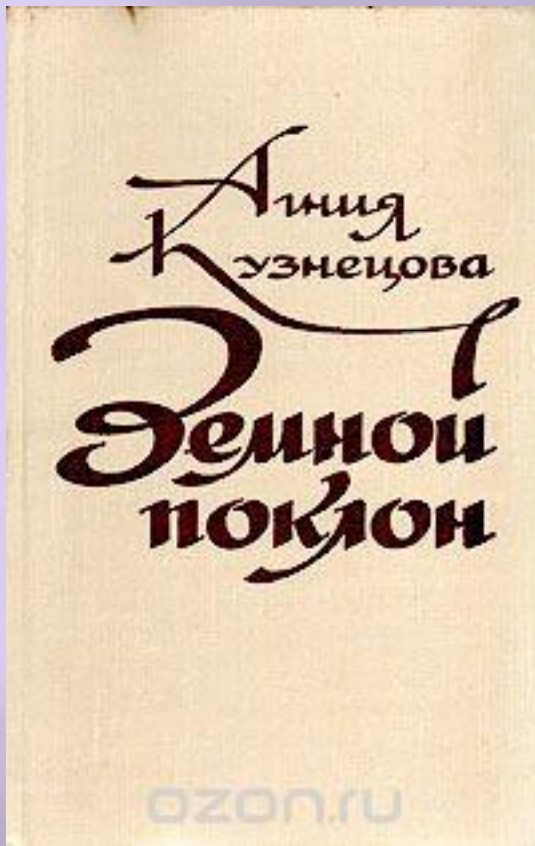
«Прав нет, – возражает ему жена, завуч Елена Евгеньевна, которая в своё время была категорически против Надиного эксперимента. – Исключать ошибку нельзя. Но нельзя её и планировать». Вывод Елены Евгеньевны менее категоричен, более осторожен. Но что же из него явствует? Явились ли случаи с Анечкой, Севою и Аллой запланированной педагогической ошибкой, то есть результатом неверно задуманного эксперимента? Или это ошибка непредвиденная?

В своём семейном споре директор и завуч приходят к некоему «общему знаменателю». «Не сделать проще, чем сделать», – соглашается в конце концов Елена Евгеньевна. Но, разумеется, это не индульгенция Наде, Надежде Победоносной, как зовёт её шутливо директор, на все её прошлые и будущие упущения.

Не став менее инициативной, Надежда Георгиевна уже по истечении первых месяцев работы становится более ответственной, понимает, как тонко педагогическое дело, в котором между другими намерениями и благими свершениями, возможно, самая долгая, трудная и запутанная дистанция. Есть в этой повести ещё одна героиня – директриса детского дома, откуда прибыли к Наде её питомцы, – Наталья Ивановна Мартынова, отдавшая полвека своей работе, всю личную жизнь без остатка подчинившая жизни детей – сирот. И Наде, хотя она не сразу сознаёт это, вскоре приходится делать выбор между «совмещением страстей», какое проповедует её возлюбленный Виктор, и той «одной, но пламенной» страстью, которой живёт Наталья Ивановна. Надя расстается с Виктором, уезжающим в большой город. Она остаётся с ребятами, у которых не оказалось семьи.

В конце повести её воспитанники покидают детский дом, закончив школу. У Нади есть возможность «почётно» отступить на «хорошо подготовленные» позиции отчего дома, тем более, что и мама Надина убеждена: «Жизнь свою человек способен не раз начать снова». Но Надежда Георгиевна знает, что она никуда сейчас не уедет. Она думает о тех детдомовцах, ещё не ведомых ей, которые первого сентября переступят порог интерната и с которыми она начнёт новый десятилетний путь совместных поисков, проб и побед.

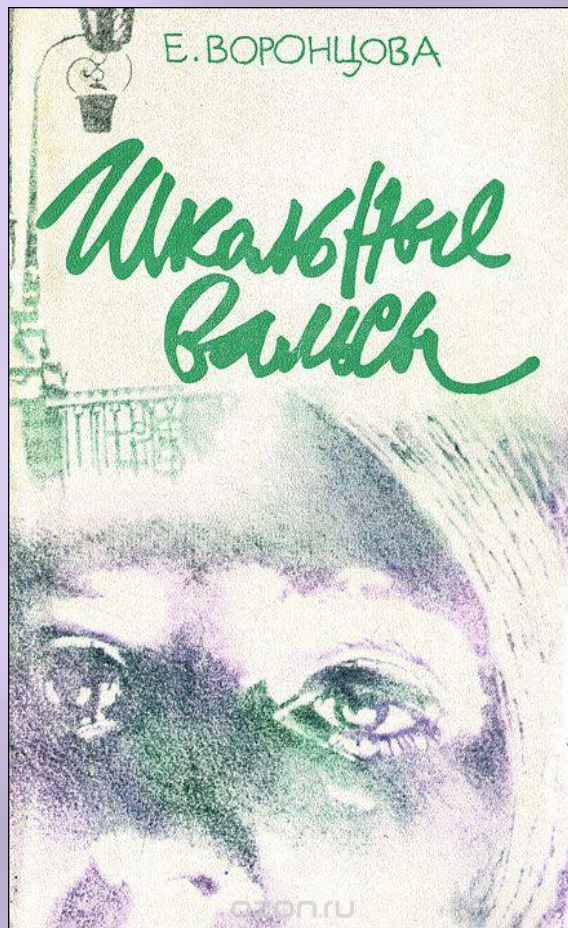
Такой образ современного педагога достоин уважения и подражания. Надежда отдала своим воспитанникам частицу себя, своего тепла, своего сердца, пройдя через всё, что приготовила ей судьба. И можно с уверенностью сказать, что те дети, её первые воспитанники, вырастут настоящими людьми, добрыми и отзывчивыми, благодаря своей умной и доброй наставнице. Надежда Георгиевна сумела

Кузнецова А.А.

Земной поклон: повести. –
М.: Сов. писатель, 1979.

Ведущая тема в творчестве Агнии Александровны Кузнецовой – воспитание и становление молодого человека. В настоящий сборник включены три повести. «Земной поклон» - произведение, давшее название всей книге, - посвящено великому труду и нелегкой судьбе учителя. Будни школы 70-х годов, занятия «кружка разведчиков» открывают подросткам окно в увлекательный мир прошлого, помогают воссоздать драматические события дооктябрьской поры.

Воронцова, Елена Анатольевна.

Школьные вальсы [Текст] : повести / Е. А. Воронцова ; [худож. Б. Жутовский]. - Москва : Мол. гвардия, 1988. - 253, [2] с.

В этой книге собраны повести о школе. Их герои - молодая учительница, ленинградская десятиклассница, сельский школьник - ищут собственный нестандартный путь в жизни и уже в начале найденного пути добиваются реальных успехов. Каждый по-своему, они приходят к выводу, что жизнь становится глубокой, разнообразной, значительной, когда человек относится к ней серьезно. В центре внимания автора - духовная жизнь героев, первые трудности, ошибки, открытия. Книга поможет подросткам задуматься над тем, как крепко связаны их будущие успехи с процессом обновления и демократизации, который в эти годы начался в обществе.

Е. ВОРОНЦОВА

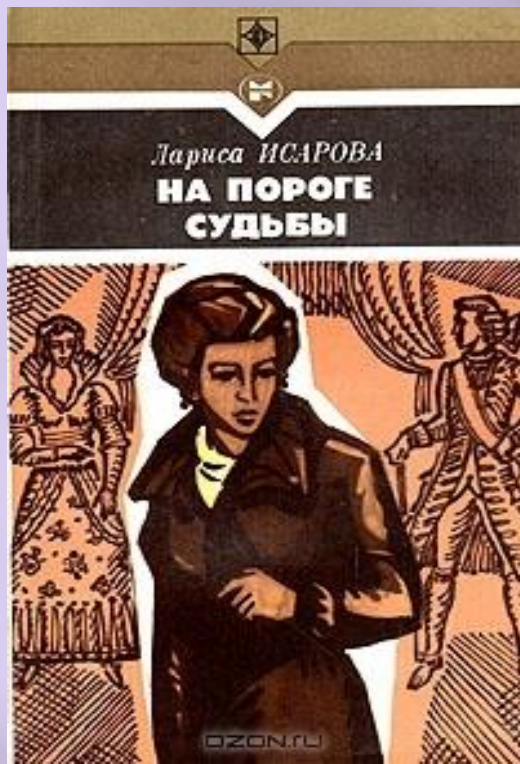
**БЕЗ
ЗВОНКА
НА
ПЕРЕМЕНУ**

Avito

Воронцова, Елена Анатольевна.
Без звонка на перемену [Текст] :
непридуманные истории из
школьной жизни / Е. А. Воронцова. -
Москва : Мол. гвардия, 1977. - 208 с.

О людях, которые отдают школе много сил, делают больше, чем требуют того их прямые обязанности, о том, какое это трудное счастье – работать с детьми, быть не только умным, добрым, умелым, но и интересным, необычным, рассказывает эта книга. Она заставляет задуматься о главном во взаимоотношениях учеников и педагога, об авторитете и ответственности

Исарова Л.Т.

На пороге судьбы: роман. – М.: Мол. гвардия, 1986. – 255 с. – (Стрела).

Роман состоит из двух частей: "Десять секунд для ответа" и "И голос твой в душе моей...". Рассказ в них ведется от лица учительницы, волею судеб оказавшейся свидетельницей преступлений, совершенных ее воспитанниками. Пути, которые избрали герои в жизни, проблемы воспитания чередуются с историческими событиями России второй половины XVIII века.

Л. Исарова – писательница одной темы. Всю жизнь ее волнуют проблемы подростков, потому что воспитание молодежи – ее профессия. К первой книге «Война с аксиомой» автору пришлось дать подзаголовок «Спорные истории из школьной жизни», хотя спорность их была только в восприятии определенной категории людей – нетворческих, консервативных, служащих догме. В «Задаче со многими неизвестными» и в романе «На пороге судьбы» читатели встречают учительницу Марину Владимировну, с которой познакомились в «Войне с аксиомой». Неизменным остается переходящее из книги в книгу отношение автора к профессии школьного учителя, к ее важной социально значимой роли, твердое убеждение в том, что школа в первую очередь должна учить познанию жизни, умению понимать и ценить людей. Автор вместе со своей героиней считает, что жизнь учителя, если он имеет призвание к этой деятельности, неотделима от жизни учеников. В центре книг образ учительницы Марины Владимировны, человека неординарного, равнодушного, творческого, и судьбы ее учеников. Она стремится воспитать в них лучшие человеческие качества. И ей удается влиять на них, пока они учатся в школе. Но вот ученики уходят в жизнь, и не все становятся благополучными. Анализируя истоки аморальных черт у своих воспитанников, связывая их зачастую с влиянием семьи, учительница все же за них берет вину и на себя, хотя совершенно ясно, что с неумением ее учеников противостоять соблазнам вряд ли может справиться один школьный учитель. Но таков уж характер у Марины Владимировны, таковы ее убеждения, что заставляют чувствовать их промахи, как свои.

Алексин, Анатолий Георгиевич.

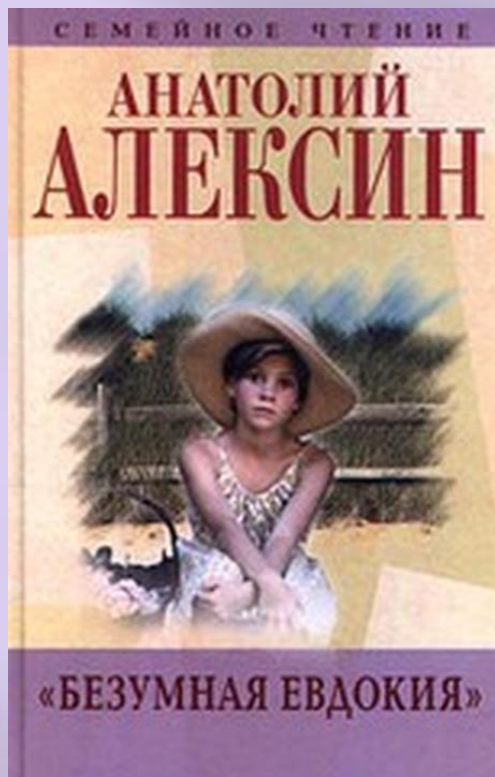
Безумная Евдокия // Повести [Текст] : [для сред. и ст. возраста] / А. Г. Алексин ; [худож. Г. Мазурин]. - М. : Дет. лит., 1984. - 335 с.

Немного по-иному, в другой ситуации, показывает нам своего главного героя А. Алексин в произведении «Безумная Евдокия». В центре повествования – образ классной руководительницы 9 «Б» класса Евдокии Савельевны. Ей 54 года, она называет себя «предпенсионеркой», но выглядит и на 50 и на 39; «она была, как говорят, женщиной без возраста». Повествователь не без иронии пишет о внешности и манерах Евдокии Савельевны, когда на одном из родительских собраний она объясняла, как важно прививать детям чувство прекрасного. «А у самой при этом поверх модных брюк была какая-то непомерно широкая юбка и в неё заправлена мужская ковбойка... Она могла ранней весной выйти на улицу в белой панаме, хотя все ещё ходили в пальто». Борясь за коллективизм, Евдокия Савельевна «очень любила, чтобы все были вместе. И с ней во главе». Рассказчик, Олин папа, добавляет: «Я был уверен, что в искусстве ей ближе всего хор и кордебалет».

Разумеется, Евдокия Савельевна, обуянная идеей коллективизма, не выносила какого-либо проявления индивидуального, не похожего на других, характера. «В классе она прежде всего замечала незаметных и выделяла тех, кто ничем не выделялся». Её любимыми словами были: «все», «со всеми», «для всех»...

Поэтому она с самого начала повела методичную борьбу против ошибочных, по её мнению, воспитательных методов Олиных родителей.

Девятиклассница Оля, талантливая, своенравная, с усмешкой относится ко многим коллективным мероприятиям «безумной Евдокии», к её вулканическому характеру, ко всякого рода встречам нынешних учеников Евдокии Савельевны с её бывшими: «Их отрывает от дела. Нас отрывает». Родители Оли не поддерживали авторитет учительницы, а внушали дочери, что она должна быть снисходительна к «безумной Евдокии» (так, кстати, прозвала учительницу именно Оля). И девочка продолжала по каждому поводу иронизировать над классной руководительницей. В своей работе «безумная Евдокия», как рассказывает Олин отец, старательно вытравляла в учениках всё неповторимое, своеобразное, она стремилась к тому, чтобы каждый был «как все» – в кино и на выставке, на экскурсии и в походе... Ей важно было пробудить в каждом ученике чувство причастности к классу, к коллективу... У Оли это вызывало внутреннее противодействие.

В своей приверженности к массовым профессиям (диспетчера, водителя самосвала и т. п.) Евдокия Савельевна, как убеждает нас Олин отец, не понимала, что призвание художника, талант скульптора несколько не отделяет человека от массы. «Безумная Евдокия» пыталась приобщить Олю ко всем остальным за счёт и вопреки её индивидуальности. Послушные ученики вслед за своей учительницей «не желали замечать того, что было для них непривычным. Яркое не радовало, а ослепляло их». Именно это Олин отец считает причиной «частых страданий и слёз» его дочери.

Тем злополучным воскресным утром, когда, собственно, и происходит действие повести, явившись на квартиру Олиных родителей, Евдокия Савельевна объявляет, что накануне, в субботу, во время классного похода по местам боевой славы, Оля пропала, ушла из отряда неизвестно куда... И не вернулась. А ведь прошла целая ночь! Где же Оля?... С Олиной матерью стало плохо: нервный приступ, душевное расстройство, потеря рассудка... И хотя через два-три часа девочка появляется в квартире – беспечная, весёлая, с цветами в руках – На душе лучше не стало, и мать увозят в психиатрическую больницу.

По дороге из больницы происходит диалог между рассказчиком, Олиным отцом, и учителем. Она доказывает, что поступок Оли безнравственен: желая быть первой, раньше всех достичь цели похода, она ушла вечером из отряда и не сказала никому ни слова. Девочка даже не подумала о том, какое беспокойство принесёт её честолюбивый поступок всему классу и ответственной за поход Евдокии Савельевне. Учительница говорит, что главное в людях всё-таки – талант человечности.

Писатель не склонен выдавать Олю за пассивный объект двух педагогических воздействий: родительского и учительского. Оля пытается оправдать свой поступок, ссылаясь на то, что она хотела пройти путём Мити Калягина, бывшего ученика Евдокии Савельевны, спасавшего раненых бойцов в годы войны, доставлявшего им лекарство тайком от врага. Отец резко говорит дочери: «Он (Митя Калягин) прошёл этот путь, чтобы спасти людей. А ты, чтобы погубить... самого близкого тебе человека».

Вроде бы незначительные ошибки родителей в воспитании дочери привели к формированию эгоцентрического характера девушки. В одном случае она забыла о своей подруге, пригласив её на встречу с неизвестным художником. И та стояла внизу, слышала сквозь окно, как Оля отрицала, проявляя на глазах у знаменитости свою эрудицию. В другом случае она не заметила любви своего одноклассника Бори Антохина и бестактно насмеялась над ним. В своей самовольной ограниченности Оля не хотела видеть немалых достоинств учительницы: её одержимости в работе, внимательного отношения к каждому, даже самому рядовому ученику. Постепенно мы замечаем, как много привлекательного и даже прекрасного в «безумной Евдокии». Она с горечью говорит, что во многом сама виновата: ворвалась утром в дом Оли с известием, что та пропала, и это довело Олину мать до безумия. Но разве могла она поступить иначе? Ведь не будь Оля воинствующей эгоцентристкой, она, даже удрав из лагеря, пришла бы домой. В финале Евдокия Савельевна спешит к ребятам, идущим по улице чуть впереди: она боится, что Оля возьмёт на себя всю вину за трагедию матери и что эта ноша окажется для неё непосильной.

В конце повести рассказчик мысленно признаёт, что, хотя он вместе с женой сумел отстоять право формировать характер дочери и таким образом победил Евдокию Савельевну, «эта победа стоила Наденьки жизни. Или здоровья». Такова цена этической невоспитанности их дочери. Такова цена прозрения отца Оли.

И тут мы понимаем, что на протяжении почти всей повести смотрели на «безумную Евдокию» глазами Олиного отца, а стало быть, глазами самой Оли. Понимаем, что составили для себя искажённый портрет прекрасной воспитательницы, умной и справедливой. Нет, не стремилась она выстраивать в один общий ряд всех учеников, - она лишь Олю хотела вернуть в коллектив, а точнее сказать, к людям, от которых она в упоении своими успехами оторвалась. Одиночество было ей наказанием... «Тот, кто любой ценой хочет быть первым, обречён на одиночество», - говорит Евдокия Савельевна. И мы с ней соглашаемся. Наконец – мы видим её такой, какая она есть на самом деле, видим своими собственными глазами: несуразно одетую, но мудрую, прозорливую, всю жизнь отдавшую своим питомцам.

В повести прослеживается неоднозначность конфликта юной художницы Оли и старой учительницы. Восставая против Олиного эгоизма, способности "затрагивать походя чужие судьбы", Евдокия Савельевна пытается донести до сознания девочки понимание того, что талант человечности важнее других дарований. Но правильно поставив диагноз "сердечной недостаточности", борясь с гипертрофированным индивидуализмом, учительница так же "походя" задевает право Оли на талант, яркую индивидуальность, чем провоцирует ее ожесточенную борьбу с "попытками усреднения", подчеркнутого "уравнивания". Конечно, нет оправдания Олиному стремлению подавлять окружающих, трудно объяснить "слепоту" и "беспечность" очарованных дочерью родителей,

но и Евдокии Савельевне в случае с девочкой изменяет педагогическое чутье и чувство меры. Затянувшаяся борьба каждого "за свою правду" приводит к драматическим последствиям. Причем учительнице очевидно - "Все мы виноваты сегодня". Однако, именно этот факт вины каждого из героев в случившемся часто игнорировался читателями, т. к. эмоциональность и страстность монолога рассказчика мешала объективному восприятию представленной в

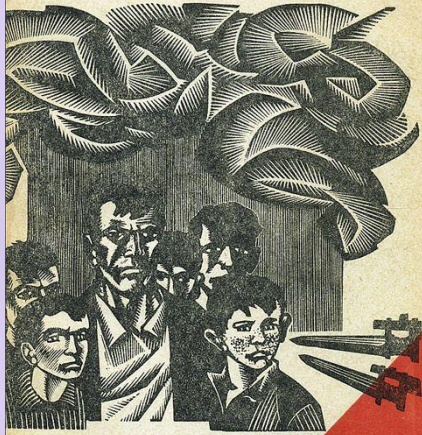

Быков, Василий Владимирович.

Обелиск : повести / В. В. Быков. - М. : Мол. гвардия, 1973. - 270 с.

Нельзя не отдать должное высокохудожественному образу настоящего педагога, созданному в «Обелиске» В Быкова. В своём произведении автор рассказывает о работе своего героя в период Великой Отечественной войны. В начале повести мы знакомимся с корреспондентом, который при встрече со своим товарищем узнаёт о смерти учителя села Сельцо Миклашевича. На похоронах он знакомится с Тимофеем Титовичем Ткачуком, бывшим учителем этого села. От него он услышал имя А. И. Мороза. Возвращаясь в город, корреспондент и Ткачук зашли к памятнику. «Обелиск часто менял свой вид, неизменной оставалась лишь чёрная металлическая табличка с пятью именами школьников, совершивших известный в нашей местности подвиг в годы войны. Я уже не вчитывался в них, я их знал на память. Но теперь удивился, увидев, что тут появилось новое имя – Мороз А.И., которое было, не очень умело выведено над остальными белой масляной краской». И Ткачук рассказывает корреспонденту об А. И. Морозе, его жизни и подвиге. Тимофей Титович в то время работал в Районо заведующим. С Морозом он познакомился в Сельце. Вот каким он его увидел: «Одна нога как-то вывернута в сторону и вроде не разгибается, поэтому он здорово на неё припадает и кажется как бы ниже ростом. А так ничего парень – плечистый, лицо открытое, взгляд смелый, уверенный...» Родом Мороз был с Могилевщины, уже пять лет работал учителем после окончания педтехникума. Как-то раз на Мороза была подана жалоба: он не поддерживает дисциплины, как равный ведёт себя с учениками, учит без необходимой строгости, не выполняет программ наркомата и говорит ученикам, что не надо ходить в костёл, пусть туда ходят бабушки. Эта жалоба была причиной поездки в Сельцо и знакомства Ткачука с Морозом. А на жалобу Алесь Иванович ответил следующее: «С программами в школе действительно не всё в порядке, успеваемость не блестящая. Ребята учились в польской школе, многие, особенно католики, плохо справляются с белорусской грамматикой, их начальные знания не соответствуют нашим программам. Но вовсе не это главное. Главное, чтобы ребята теперь поняли, что они – люди, не быдло, не какие-то там вахлаки, какими паны привыкли считать их отцов, а самые полноправные граждане...» Мороз хотел сделать из них не отличников учёбы, а прежде всего – людей.

Василь Быков

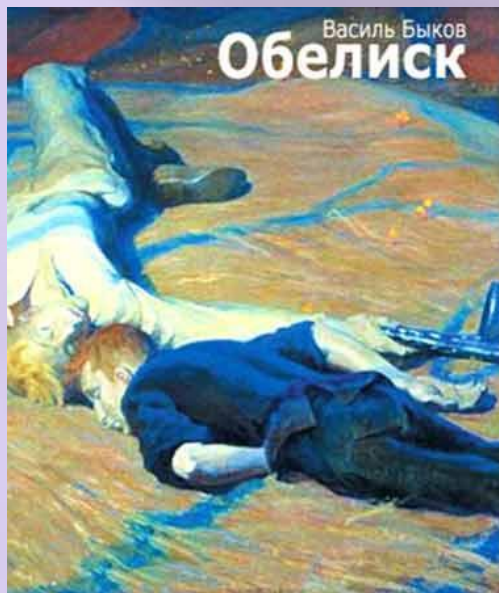

ОБЕЛИСК

Как-то в село поехал инспектор из области. Возвратился он очень разгневанный. Оказывается, его в селе атаковали собаки и разорвали ему штанину. Алесь Иванович извинился, но перед этим ребята читали тургеневскую «Муму», и вот Алесь Иванович, проявляя чуткость и доброту к животным, поселил щенков в школе, а ребята по очереди за ними досматривали. Жил там и кот, жалкое такое слепое создание. Позже появился и скворец. Сначала летал по классу, а потом смастерили ему клетку.

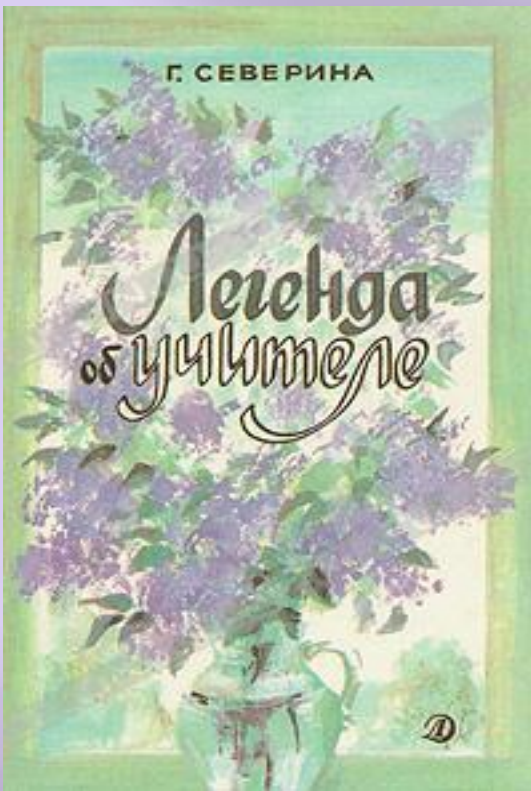
Второй раз Ткачук навещался в Сельцо зимой. Придя в школу, он увидел парнишку. Это и был Миклашевич. Через некоторое время пришёл Мороз. Поздоровавшись, он объяснил причину своего отсутствия. Оказывается, он провожал своих учениц домой. А про квартиранта так и не поговорили. Через две недели Тимофея Титовича вызвали к прокурору. Придя, он увидел незнакомого дядьку в кожаной куртке. Прокурор района наказал ему ехать в Сельцо и забрать у Мороза сына гражданина Миклашевича. Сели они в милицкий автобус и покатили в Сельцо. Вызвав Алесь Ивановича с занятием, стали объяснять, в чём дело. Мороз выслушал всё молча, позвал Павла. Увидев отца, мальчик съёжился, будто зверёк, близко не подходит. Ткачук объясняет, что по закону сын должен жить с отцом и, в данном случае, с мачехой (мать недавно умерла, отец женился на другой, ну и пошли нелады с мальчишкой). Он заплакал, но надел пиджачок, собрался в дорогу. Но, немного отойдя от школы, Миклашевич снимает с кожаной куртки ремень, и начинает бить сына. Мороз вдруг срывается с веранды и, хромя, через двор – туда крича: «Стойте, прекратите избиение!» Подходит, вырывает Павлову руку из отцовской и говорит: «Вы у меня, его не получите! Понятно?» Отец подал в суд. Но Мороз всё-таки своего добился: комиссия решила передать парня в детдом. Правда, с выполнением Мороз не спешил и, наверное, правильно делал.

Началась война. Сельцо заняли немцы. Но Алесь Иванович продолжал работать в школе. Узнав об этом, Тимофей Титович подумал, что Мороз работает на немцев. Учитель встретил его так, как будто они вчера только расстались. «Как живём?» – спрашивает Ткачук. «Известно как. Плохо» – «А что такое?» – «Всё тоже. Война». – «Однако, слышал, на тебе-то война не очень отразилась. Всё учишь?» – «Надо учить.» – «А по каким программам, интересно? По советским или немецким?» Мороз понял, в чём дело, и ответил: «Мне когда-то казалось, что вы умный человек». И тут Ткачук понял, что зря сомневался в нём. Мороз продолжал: «Плохому, я не научу. А школа необходима. Не будем учить мы – будем оболванивать они. А я не затем два года очеловечивал этих ребят, что б их теперь расчеловечили. Я за них ещё поборюсь. Сколько смогу, разумеется». Вскоре Алесь Иванович раздобыл приёмник. Всё, что услышит, передаёт другим. Первое время шло всё хорошо. Но один из полицаев, в сёлах его звали Каин, всё-таки что-то заподозрил. В школе устроили обыск, перетрясли ученические сумки, но ничего не нашли. Учителю устроили допрос, но всё обошлось. Тогда ребята что-то задумали. Они всегда были откровенны с учителем, а тут затаились даже от него. Они как-то намекнули ему, что неплохо бы пристукнуть Каина. Но учитель строго запретил.

Всё случилось неожиданно и неорганизованно. Каин часто ездил на хутор пьянствовать. Сельцо и хутор соединял мост. Ребята подпилили столбы, на которых держался мост, и ждали очередного возвращения, положив под мост мину. Операция удалась, но Каин остался жив. Когда стали поднимать машину, кто-то заметил, как в кустах мелькнула детская фигура. Через несколько дней всех ребят взяли. Мороз же предупредил один из полицаев: «Удирай, учитель, хлопцев забрали, за тобой идут». Мороз пробрался к партизанам, к Ткачуку. Рассказал всю историю. Но партизаны не могли ничем помочь. Алесю Ивановичу дали винтовку и приняли в отряд. Через несколько дней связная сообщила партизанам, что немцы требуют учителя, а иначе, ребят повесят. После долгих уговоров Мороз отправился к немцам. Под вечер вывели всех из амбара. Построили по двое и под конвоем погнали к шоссе. Вели по той самой дороге, через мосток. Шли молча, разговаривать никому не давали. Впереди шли Мороз и Павлик Миклашевич. Подойдя к лесу, учитель спрашивает у Павлика: «Бежать можешь?» Тот не понял, посмотрел на учителя: о чём он? А Мороз снова: «Бежать можешь? Как крикну, бросайся в кусты». Так Миклашевич остался жив.

В. Быков считает, что Алесь Иванович совершил подвиг. И этот подвиг очень скромный и незаметный – человек добровольно положил свою голову на плаху, чтобы доказать всем, что его воспитанники – это не просто его работа, а его судьба. Так мог поступить только настоящий человек. Именно таким и был учитель А.И.Мороз, человек с большой буквы.

Северина Г.И.

**Легенда об учителе: повесть. – М.:
Дет. лит., 1979.**

Галина Ивановна Северина работала учителем русского языка и литературы в школе. Затем увлеклась журналистикой. Книга «Легенда об учителе» написана в память о погибших на фронте одноклассниках и любимом учителе, образ которого навсегда остался в памяти его учеников. Повесть рассказывает о школе 30-х годов: о старшеклассниках, их гражданской позиции, учебе, дружбе, любви; о прекрасном учителе и воспитателе – умном, благородном, мужественном человеке, который ушел вместе со своими учениками на фронт в первые дни войны.

Полонский Г.И.

Ключ без права передачи: три киноповести о школе. - М.: Дет. лит., 1980.

Книга объединяет три киноповести Георгия Полонского, посвятившего эти произведения теме нравственных исканий в школьные годы: «Доживем до понедельника», «Перевод с английского» и «Ключ без права передачи». Автор книги сам был школьным учителем прежде, чем профессионально занялся драматургией кино и театра. По всем тем повестям поставлены удачные кинофильмы. Секрет удачи их, наверное, в том, что явилось предметом внимания автора. Подростки и взрослые. Юные и пожилые. Учителя и ученики. Каковы их взаимоотношения. Как они влияют друг на друга. Тема труднейшая. Сложен духовный мир взрослых, но еще более таинствен мир детей. В киносценариях Полонского нет умных детей и глупых взрослых и нет умных взрослых и глупых детей. Всё смешано. Как в жизни. И те и другие учатся друг у друга. Сфера отношений у Полонского чаще всего – школа. И это еще больше осложняет каждую проблему. Учитель и ученик. Сколько песен, стихов, рассказов и фильмов посвящено учителям! И как мало рассказано об их мучениях. Невозможно отделить процесс учения в школе от воспитания хотя бы потому, что в школе, кроме прямой конструкции учитель-ученик, возникают куда более сложные межчеловеческие отношения. В сценариях Полонского есть любовь и к учителям и к детям. Может быть, именно это доброе и непредвзятое отношение к людям, без различия их возраста и положения, самое драгоценное. Полонский любит школу, знает ее, чувствует. Он знает, что в школе, казалось бы, незначительный факт может стать поводом для самых неожиданных событий, даже с драматическими последствиями! Содержания не пересказываю намеренно, подразумевается, что они уже прочитаны. А если нет – читайте книгу, смотрите фильмы. Это классика. Киноповести Полонского делают замечательное дело – объединяют учеников и учителей и как бы говорят: «Пожалуйста, уважайте, понимайте, любите друг друга!» Не всегда автор стремится также "разоблачить" тех, чьи взгляды на жизнь ему чужды, принимая во внимание возможные условия формирования этих взглядов. Так, например, очевидна человеческая и учительская несостоятельность Светланы Михайловны (Г. Полонский "Доживем до понедельника"), особенно - в сопоставлении с Ильей Семеновичем. Но ее затаенная, неуклюже проявляющаяся, безответная любовь к Мельникову свидетельствует о глубокой драме одиночества, которую переживает эта ненавидимая учениками женщина. И неожиданные слова Светланы Михайловны, обращенные к счастливой сопернице и коллеге Наташе: "Только с ребеночком не затягивай, у учителей это всегда проблема... А то придется разбираться в чужом счастье..." свидетельствуют, что ее признания действительно "оплачены такой ценой, о которой Наташа и понятия не имеет". Не случайно читателю становится жалко учительницу, которая "вдруг утратив позицию, почувствовала себя ужасно, словно стояла в классе голая...", что, впрочем, не исключает неприятия ее жизненной и педагогической

Соловейчик, Симон Львович.

Ватага "Семь ветров" [Текст] : повесть / С. Л. Соловейчик ; [худож. Г. Ковенчук]. - Л. : Дет. лит., 1979. - 225 с. : ил.

Повесть о современной школе. Автор исследует жизнь классного коллектива, показывает ее в противоборстве желаний и характеров. Вместе с учениками педагоги Каштановы стараются сделать жизнь школы творческой и содержательной.

Все у них было: и еда, и одежда, и школа, впечатления и свобода. Но они выросли в те годы, когда взрослые слишком заняты были устройством и обновлением своей жизни, увлечены новыми квартирами, новыми профессиями своими, новыми нравами. Дети в городе всегда делятся на домашних и уличных. На Семи ветрах домашних почти не было: все выростали на сквозняке; и когда они по вечерам собираются в парадных подъездах, поскольку черных лестниц в новых домах не строят, то жильцы, пробираясь между длинных ног сидящих на ступеньках ребят, ворчат, прежде чем скрыться в безопасной кабине лифта:

- У, хулиганы! Беспризорники двадцатого века!

Да какие беспризорники! Сыты, обуты-одеты, опрятны, даже ухожены. Не обделены любовью родителей, справедливо подмечает автор, если чем и обделены, то скорее вниманием, доглядом. Контролем?

Директор школы Каштанова и завуч Каштанов заморожены, почти в трансе наблюдают за сложной физиологией подмосковного городка, выросшего вокруг предприятия общесоюзного значения. Надорвавшиеся, осипшие от крика и бессилия одинокие мамы. Хмурые изработавшиеся бабки. Пьяненькие братаны, которым идти некуда, кроме завода, а на завод они не пойдут! Сказано, б..., не пойдут! Эти растерянные старики, перевезённые из догнивающих сельских изб. Эти неприкаянные подростки. Да, советская литература была не только ура-патриотической...

Лейтмотив: Семь ветров, так неофициально окрестили район. Сквозняк. Подъезды, подворотни, проходные дворы. Перед нами попытка исследования феномена гопников.

Наверное, кое-кто подсадует на обращения к читателю, все эти: «Бегите от злодеев, дети! Будьте добры, девочки, отвечать за свои легкомысленные поступки!» Да, для Соловейчика семиветровцы – великовозрастные, дюжие, половозрелые – всё-таки дети. Но никогда не малыши, не пупсики. В главном спрос с них, как со взрослых. В общем и целом Симон Соловейчик описывает то, что мы до сих пор расхлёбываем: от утери кодекса драки до определяющей роли денег и блата. Кстати, в первой главе рассказывается о настоящем флэшмобе, который ещё так не назывался...

Отдельно взятые, семиветровцы вполне толковые, порядочные ребята. Но, попав в стаю...

- Нельзя бить человека по лицу, ногами, нельзя!

- Отстала от жизни! Современный человек бьет ногами и по лицу!

И решили директор Каштанова и муж её завуч Каштанов сотворить из школы-стекляшки остров заботы, человечности и интересных дел. И вначале у них прекрасно получилось!

Но разве можно сохранить остров в неприкосновенности, остаться оазисом среди голодных песков, решить отдельно взятые проблемы отдельно взятого города в государстве, задыхающемся не столько от проблем, сколько от их непризнания?

Самое страшное для учителя – это когда ученики предают. Самое страшное и самое естественное. Ну, вы же понимаете... подвернулась возможность... извините, конечно...

А когда градообразующее предприятие закрывается, вот тогда-то мы все и узнаем, почём фунт лиха.

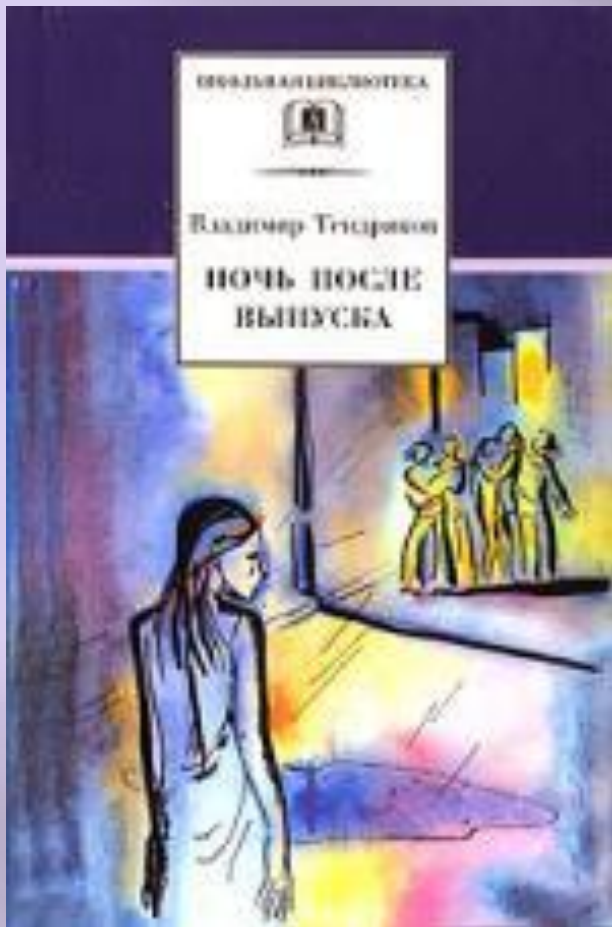
Застойные 70-е

Отрочество, юность - это пора философских и этических исканий, попытка решить вопрос о добре и зле, обрести смысл жизни. Не случайно поэтому центральной проблемой большинства

произведений подростково-юношеской прозы второй половины XX века оказывается проблема становления личности, ее самоопределения. Причем, отсутствие общественно-исторических

"пограничных" ситуаций (революция, война и т.п.) только усложняет ее решение, делает этот процесс неявным, протекающим скрыто, извилистыми путями сугубо личного поиска истины, до поры никак не соотнесенного с общественным поиском идеала.

Инфантилизм - одно из наиболее широко трактуемых явлений человеческой жизни в диапазоне от его клинического определения как "сохранения у взрослых особей физических и психических черт, свойственных детскому возрасту - до представления о том, что "инфантилизм психический - особенность психического склада личности, обнаруживающей черты, свойственные более раннему возрасту: эмоциональную неустойчивость, незрелость суждений, капризность и подчиняемость". Последняя разновидность инфантилизма - недоразвитие духовной сферы личности - глубоко заинтересовал писателей в связи с широкой распространенностью названного явления в 70-80-ые годы. Одним из первых произведений, остро поставивших эту проблему в контексте возникновения "кризисной ситуации" как катализатора процесса, оказалась опубликованная в 1974 г. повесть **В. Тендрякова "Ночь после выпуска"**, которая произвела ошеломляющее впечатление на читателей и вызвала многочисленные споры по существу поставленной проблемы и по художественной форме ее воплощения.

Тендряков, Владимир Федорович.

Ночь после выпуска / В. Ф. Тендряков. - М. : Сов. Россия, 1976. - 80 с. - (Человек среди людей).

Пытаясь понять феномен этой жестокости, нетерпимости, истоки нравственной метаморфозы героев в "ночь откровений", автор выстраивает систему художественных доказательств верности тезиса, прозвучавшего в сбивчивой, но искренней речи Юли Студенцовой на выпускном вечере: "Школа заставляла меня знать все, кроме одного, - что мне нравится, что я люблю. Мне что-то нравилось, а что-то не нравилось. А раз не нравится, оно и дается трудней, значит, этому ненравящемуся и отдавай больше сил, иначе не получишь пятерку.

Школа требовала пятерок, и я слушалась, и... не смела сильно любить... Теперь вот оглянулась, и оказалось - ничего не люблю. Ничего, кроме мамы, папы и ... школы. И тысячи дорог - и все

одинаковы, все безразличны... Не думайте, что я счастливая. Мне страшно. Очень!»

Повесть начинается словами "Как и положено, выпускной вечер открывали торжественными речами". Постоянный рефрен "как и положено" сопровождает речь директора и появление с ответной речью "возглавлявшей очередь к заветным дорогам" отличницы Юли Студенцовой, но произносит девушка "неположенное", открывая своими словами дискуссию учеников и дискуссию учителей.

Отказавшись на ночь от "ролевых масок", герои пытаются увидеть друг друга истинными, что и приводит, по определению некоторых критиков, к "жестокому умственному эксперименту".

Шестеро ребят собираются у обелиска в надежде удачно завершить вечер, шестеро учителей остаются в учительской. В обоих случаях это люди, связанные отношениями дружеской приязни,

несмотря на очевидную разность социального положения и жизненного опыта.

Среди ребят - "городская знаменитость", "бог мальчишек, гроза шпанистой ребятни" Генка Голиков, "никогда и ни в чем не ошибающаяся первая ученица" Юля Студенцова, первая красавица Натка Быстрова, безответная и незаметная ("середнячок") "компанейская девка" Вера Жсрих, "для одних гений, для других ничтожество" экстравагантный художник Игорь Проухов и "непревзойденный исполнитель песен Высоцкого" Сократ Онучин. Среди учителей - старающийся всех примирить директор Иван Игнатьевич, категоричная Ольга Олеговна, старейшая учительница школы Зоя Владимировна и молоденькая Нина Семеновна, бывшие фронтовики Иннокентий Сергеевич и Павел Петрович, на удивление по-разному видящие школу и свое место в ней. Неслучайность такого разнородного объединения очевидна - она позволяет писателю за каждым из героев увидеть группу людей, которых представляют его молодые и не очень молодые персонажи, показать многообразие их отношения к жизни, поднять разговор до высокого уровня обобщения и типизации.

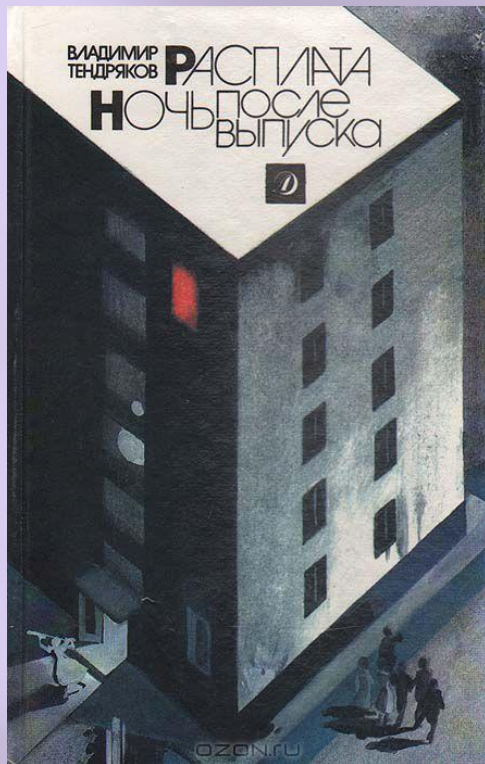
Собравшиеся у обрыва ребята на первый взгляд – люди состоявшиеся, по-своему оригинальные, не обойденные вниманием сверстников и взрослых. Их очевидная в первом же тосте личностная

разность (Игорь пьет "за власть над другими", Генка - "за власть над собой", Натка - "за свободу". Вера - за то, чтоб власть над ней не была слишком тяжелой. Юля - за счастье Натки, которого у нее самой нет, а Сократ - "просто так") не противоречит первоначальному представлению читателя о привлекательности каждого. Но вот настроение расставания - "погребая прошлое" - толкает ребят к рискованной затее понять, знают ли они друг друга "до доньшка", "чтоб ничего не было скрытого". В итоге же, по меткому определению Сократа Онучина, получится "собрание с персональными делами", быстро перешедшее в злобное выяснение отношений.

Первым "подсудимым" становится Генка, который "нисколько не сомневался в себе - в школе его все любили, перед друзьями он свят и чист, однако оказалось, что у друзей к нему много претензий, начиная от самого факта счастливого рождения в семье "хозяина города" до обвинений "ты так себе нравишься, любишь, что о других забываешь. Не черствость тут, а похуже - себялюбие", "Красиво горишь, а греть не греешь", "За моей спиной ты продал меня" и слов "жалкий ты" из уст любимой девушки. Причем говорится все это, подчеркивает автор, "с любопытством, но без сочувствия".

Бессмысленная непровоцированная жестокость ребят рождает в Генке потрясение - "воспользовались случаем - можно оболгать. И с радостью, и с радостью!.. Вот вы какие! Не знал... Раскрылись..." и ответную беспощадность. Именно он скажет Вере - "доброта у тебя

для маскировки... живешь да оглядываешься, как бы свою доброту всем показать», обвинит Юлю в самовлюбленности и самодостаточности, Игорю припомнит непомерную жажду признания и злость к инакомыслящим, а о любимой Натке расскажет всем такое, о чем и вспоминать-то неловко, подытожив - "красивая, а душа-то змеиная!.. Ты просто самка, которая ждет, чтобы на нее кинулись...". Обращает на себя внимание стремление автора подчеркнуть "двойное прочтение" каждого обсуждаемого героя и его поступков; конкретные факты рассматриваются в оценочной системе самого человека и "взгляда на ситуацию со стороны", и оказывается, не существует ориентиров, позволяющих выяснить правдивую подоплеку действий кого бы то ни было. Разом утратившие ясность нравственного и эмоционального видения ребята попадают в ситуацию этического "беспредела", причем захватывает эта стихия всех до одного, убедительно демонстрируя, что душевный такт, деликатность, терпимость и презумпция невинности другой стороны им неведомы.

Нанеся чувствительные удары друг другу, герои могли бы остановиться на этом и разойтись, но Тендряков намеренно пошел на обострение ситуации: почти так же легко, как словесно преодолевали барьеры нравственности, ребята переходят грань преступного в поведении. Оскорбленные Генкой и бесчувственные в отношении нанесенных ему обид, они возмущаются: мы, мол, его - "любя" ,- а он "у всех нашел самое незащищенное, самое дорогое - и без жалости, без жалости!..". Генкина боль не находит у них отклика, зато своя вырастает до вселенских масштабов и толкает отомстить обидчику. Агрессия быстро разрастается до критического предела: "Лучше бы убил меня, чем так", "Он и есть убийца", "Разве не все равно, каким путем убить жизнь". В этот момент действие переходит в драматическую фазу, "подарив" героям возможность реально убить обидчика чужими руками - не предупредив о зловещем плане старого врага юноши уничтожить его столь изощренно, чтобы остаться совершенно безнаказанным. Потрясение вызывает легкость, с которой лучшие друзья Генки соглашаются на молчаливое пособничество убийству. Более того, заходясь в крике "ненавижу", Натка даже угрожает предать предупредившего убийце (т.е. она готова в злобе на двойное предательство - и Генки, и любого из друзей, кто ему поможет). Попытки Юли пресечь безумие разбиваются о доводы "Он теперь чужой, посторонний", как будто посторонних можно калечить и убивать. И даже добрейшая Вера согласится молчать, "если уж все..." Только Юле удастся вынырнуть из затягивающего всех омута преступной безнравственности и показать бывшим соученикам, что слово "убить" в их руках уже "обрело свою безобразную плоть", что ОНИ "стали!.. Уже!.. Пусть маленькими, пятиминутными, но помощниками убийцы!". Перед этим страшным откровением наконец-то мельчают взаимные обиды, вытесняясь пониманием реальной близости непоправимого. Автор намеренно оставляет открытым вопрос, удастся ли предотвратить готовящееся преступление, т.к. для него главным является выявившаяся неподготовленность бывших выпускников к основному экзамену - жизни - "Каждый думает только о себе... и ни в грош не ставит достоинство другого... Это гнусно. Вот и доигрались...".

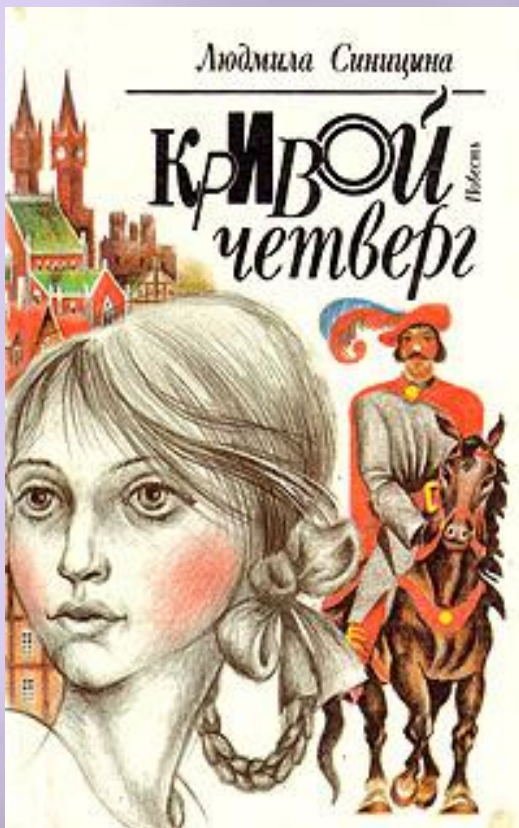
Драматический итог повести, в котором остро поставлен вопрос о цене жизни и смерти, смысле понятий "зрелость", "личность", "человечность", заставляет задуматься над истоками сна души ребят, рассогласованности внешнего и внутреннего, никем прежде не замеченной. Разговор-спор в учительской нередко оказывается на периферии подростково-юношеского читательского восприятия повести, особенно в связи с тем, что не приводит к столь трагическим последствиям, как откровения ребят. Однако он не менее принципиален для понимания истоков происшедшего. Начало разговора восходит к обозначенному Юлей аспекту: школа дает массу

«напрасных» знаний, "причем в самой категорической, почти насильственной форме - знай во что бы то ни стало, отдай все время, все силы, забудь о своих интересах", но постепенно он перекидывается на аспект человеческий, личностный: "Мы плодим невнимательных к себе людей. Ну, а если человек невнимателен к себе, то вряд ли он будет внимателен к другим". От обвинений к оправданиям, от обиды к разочарованию, от методики преподавания к мысли о сути воспитательного процесса будут двигаться в этом разговоре учителя, споря, является ли

Немало жестоких выводов предстоит сделать каждому из учителей, пока не родится в разговоре мысль о необходимости для начала "научить самому банальному: уважай достоинство ближнего, возмущайся насилием...". Но пути к достижению этого результата всем педагогам предостаются различными. Приведенный писателем в параллель ребяческому, спор в учительской помогает понять, что жестокость и сопряженная с ней бесчеловечность являются крайними, но вполне логичными проявлениями инфантильности души - ее неразвитости. Важным аспектом проблемы нравственной индифферентности и жестокости сказывается проблема утраты (или ненахождения) молодым человеком смысла жизни (именно это явление стоит за признанием Юли Студенцовой). Ощущение бессмысленности существования, равно как экзистенциальный вакуум, в который погружены герои Тендрякова, способствует появлению и разрастанию агрессивных импульсов, не случайно ребята свою очевидную читателю жестокость принимают какое-то время за "НОВУЮ игру". Складывается впечатление, что выбор "быть или казаться?" (сущностный не только для героев довести Тендрякова), ребята слишком долго решали в пользу последнего. Неподлинность бытия стала оборотной стороной нравственной и духовной комфортности - "благополучные тяготятся своим благополучием", а за внешней расположенностью друг к другу у героев оказалась скрытая до времени внутренняя самодостаточность. Пустота; заполненная формальной деятельностью, сформировала потребительский тип отношения к действительности с постоянным ожиданием успеха, удовольствия, наслаждения. При этом оказалось упущенным из вида, что счастье не может быть целью, оно - результат или даже попутный эффект достижения цели, и приходит тем вероятнее, чем меньше о нем думают. Осознав неоднозначность бытия, его несоответствие своим желаниям, герои предпринимая попытку (каждый по-своему) подчинить имеющееся желаемому, в результате же проявилось стремление к самоутверждению за чужой счет в форме неуважения к чужой воле и праву другого быть другим.

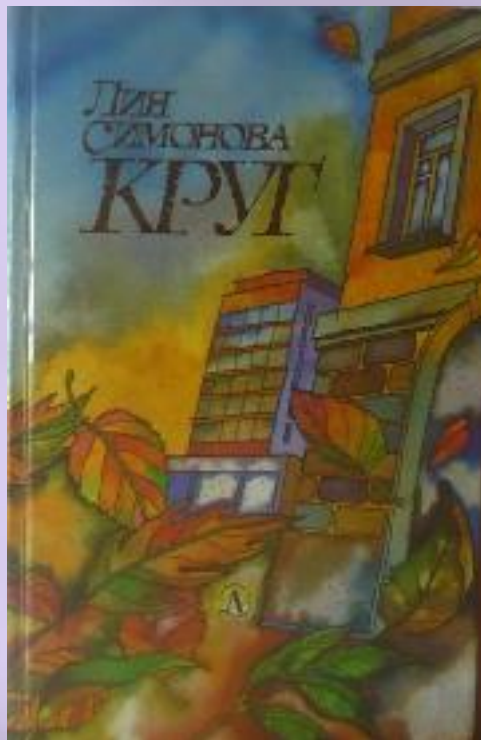
Автор остро ставит вопрос о том, что право на взрослость не может быть выдано вместе с аттестатом зрелости - человек должен его приобрести путем мучительного поиска истины и проверки ее на собственном, прочувствованном и эмоционально пережитом опыте, нравственность не может рассматриваться как нечто раз и навсегда данное, не может усваиваться через свод каких-то правил. Эта проблема стала в 80-ые гг. одной из ключевых в молодежной и подростково-юношеской прозе: пробуждение нравственного чувства в подрастающем человеке оплачивается сильнейшими эмоциональными затратами, мучительными душевными усилиями, и не всегда они венчаются успехом.

Сеницына, Людмила Алексеевна.

Кривой четверг [Текст] : повесть : [для ст. возраста] / Л. А. Сеницына ; [худож. А. А. Пчелкин]. - М. : Дет. лит., 1991. - 93,[1] с.

Героиня повести, 16-летняя девочка, живет в небольшом городке. Постоянные ссоры, драки родителей, ожесточают ее сердце, калечат душу. Себялюбие, мелочность, дефицит доброты отгораживают девочку от людей, приводят к тяжелым последствиям. Сегодня ночью я одна в ночи» - эти строки стихотворения М. Цветаевой взяты эпиграфом к повести. Они задают тон сразу всему повествованию: тревожному ощущению подступающей темноты, ощущению одиночества героини. Ее раздумья в эту страшную ночь четверга и в самом деле оказываются как бы «кривым» зеркалом всей ее жизни. Героиня повести читает «Приключения рыцаря Парцифалья» и невольно находит общее с ним: стремление к Совершенству. Всей душой Парцифаль жаждет достичь чаши Грааля, он ищет ее в рыцарских турнирах. А Света - в противоборстве с тем, что выпало на ее долю: пьянство родителей. И ей кажется, что, не будь этого, она бы давно достигла желаемого. Нам дано понять, какая это жестокая иллюзия, потому что мы становимся свидетелями того, как Света повторяет одну за другой все ошибки Парцифалья. И эта параллель проходит через самые важные вехи жизни: наставления учителя Гурнеманца помогают Парцифалью усвоить только внешние правила рыцарского вежества, точно так же, как занятия с Флорой Яковлевной дают Свете уверенность в своих силах, помогают готовиться к сдаче последних экзаменов, за которыми ей уже отчетливо рисуется будущая прекрасная жизнь. Но самый главный экзамен для обоих - проверка на человечность, на сострадание, на милосердие - они не могут сдать. Как мы знаем из рыцарских хроник Парцифаль в конце концов все-таки достиг идеала. А Света? Суждено ли ей понять, что есть истина? Ведь мы расстаемся с героиней утром, после роковой ночи, и явного ответа автор не дает. Явного... Но вспомним, как заканчивается стихотворение Цветаевой, чьи строки взяты эпиграфом. «...Сегодня ночью я жалею всех!» - вот ключ, оставленный нам у самого порога повести, и эти слова внушают надежду на то, что бессердечие героини еще не стало ее

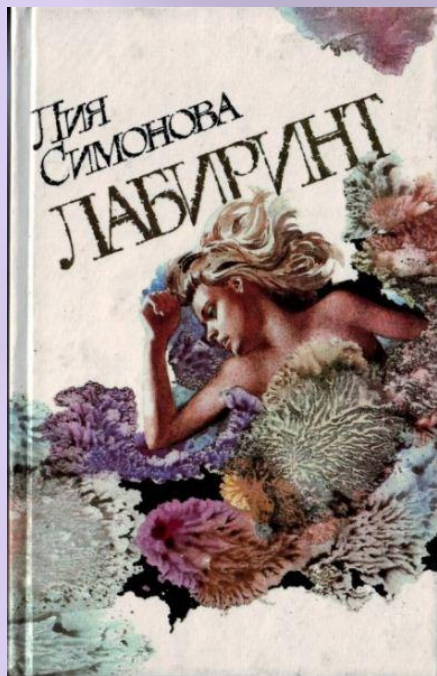
В основе сюжета повести "Круг" - конфликтная ситуация, разворачивающаяся в старшем классе показательной школы между учителями и учениками. Однако по мере развития действия становится очевидно, что реальная конфронтация шире: фактически, это обособленность всех со всеми, а объединения в учительской и ученической среде носят временный и по большей части формальный характер. Последовательное развитие действия - столкновения класса с учителями, ребят друг с другом по разным поводам - дополняется многочисленными ретроспекциями, позволяющими глубже заглянуть в истоки формирования представленных характеров. Перед читателем проходит драматическая история трех поколений семьи Дубининых, споры "старших" (дедов) в доме Оли Киссицкой, метаморфозы отца и матери Оли Холодовой (превращение простых токаря и ткачихи в "некий неодушевленный образец примерности и положительности" в роли "делегата, депутата, представителя и еще кого-то", а также члена бюро горкома партии), отдельные детали биографии Юстины Тесли, Веньки Прибаукина, Алеши Столбова, Игоря Пирогова и других. Лаконичные и емкие замечания дают возможность лучше увидеть и логику поведения учителей. В целом же складывается многоплановая картина жизни ребят и их родителей и учителей, за каждым из которых стоит самостоятельный психологический мир. Не приписывая этические значения происходящим событиям, а воспринимая, понимая и восстанавливая полноту любой ситуации, автор мучительно пытается воссоздать сложное полотно чувств и ощущений каждого участника. Это должно помочь читателю определить суммарную логику трагического результата, к которому приходят герои, вовсе того не желавшие. "Жутковатые забавы" ребят и столкновение по-своему претендующих на лидерство в классе девочек (ставшее детонатором взрыва) завершается пугающей реализацией образного выражения Олеси Дубининой, произнесенного сгоряча, в пылу обид; "Перевернуть бы ее вверх тормашками, может утряслось бы все в ее башке!". В угоду Олесе (хоть и без её ведома) Оля Киссицкая будет подвергнута циничным издевательствам, едва не приведшим к групповому изнасилованию. Финал остается открытым в отношении того, выживет ли Оля после вызванного потрясением гипертонического криза, при том, что у нее «отнята радость жить и уверенность в жизни».

Происшедшее оказывается закономерным результатом и следствием того ожесточения, нетерпимости и неприятия, в которых живут внешне благополучные герои повести. Намеренно перекрещивая в произведении два видения мира - учеников и учителей, автор подчеркивает, что мир учеников жестче, взрослее по степени утраты иллюзий, безысходной, фатальной. В этом мире нормой являются недетские трагедии: погибает в давке футбольных фанатов Сережа Судаков, пытается покончить жизнь самоубийством Слава Кустов, оказывается обманутой в самом сокровенном и интимном Юстина Тесли. Подчеркнуто будничная манера повествования о драматических событиях жизни ребят свидетельствует о том, что для них самих все это столь же естественно, как сбежать с урока за дефицитными кроссовками. Трудные дети трудных родителей" - люди бесконечно разные, но каждый из них - личность. Сказанное касается и Оли Холодовой, лучшей ученицы ("Учителя, если урвут время, то прочтут Макаренко и Сухомлинского, а эта, отличница, знает и Блонского, и Выготского, и Шацкого"), "человека любопытного: много читает и мысли у нее неожиданные, не слышанные от других». Но холодность и равнодушие ко всему, что не затрагивало ее интересов, не позволяли довериться ей, и "самой красивой девочки в школе" Олеси Дубининой, верной, преданной, самостоятельной и настойчивой в поисках истины, и правдоискательниц Маши Клубничкиной и Маши Кэжаевой, и Юстины, за "внешней кротостью" которой - "душевная сила и обаяние", и Оли Киссицкой, хоть та "свое отражение в восторженных глазах стала воспринимать за самое себя, а восторги на устах близких - за истинные свои заслуги. И всякий раз чувствовала себя ущемленной, когда обнаруживала «несовпадения», и "темного парня" Веньки Прибаукина, наделенного талантом "точно чувствовать людей" и использовать их для своих целей, и "князя" Игоря Пирогова, и ушедшего из жизни "доброе, очень доброе" Сережи Судакова. Объединяет их "фанство", дающее чувство локтя - "В куче легче. Самому с собой страшнее", и ставший нормой жизни бунт - "Ненависть ко всему, что мешало им жить, желание избавиться от оков объединили их, но как же далеки они были друг от друга на самом деле".

Вглядываясь в лицо каждого, соединяя на страницах разброс мнений и оценок героями самих себя и друг друга, Л.Симонова предпринимает попытку соединить представление о сложности

внутреннего мира подростка и разнообразии этих миров с мыслью о некой закономерности, характерной для личностных поисков подростков конца 80-х - нач. 90-х гг. Предположительно, представление автора об этой закономерности вложено в уста наиболее симпатичных автору взрослых - директора школы Надежды Прохоровны, классного руководителя Анатолия Алексеевича, бабушки Оли Холодовой: "им некуда... идти, не к кому прислониться", "их не как-нибудь надо выслушивать, а так, как это делали старые доктора, прикладывая ухо к самой груди", "фанской" жизнью себя обманывают", "как же тошно им в их счетах с собственным я и с окружающим миром!..", "Они не желают больше поклоняться авторитетам и оценивают все, что узнавали, видели, слышали по

"Это последнее открытие в молодом поколении непонятного и труднопреодолимого для взрослых подчеркивается и в словах доктора, лечащего Олю Киссицкую - "У них сухие глаза. Сухие глаза страшнее чумы. Это - болезнь нашего времени. Их надо научить плакать". Психологически и педагогически верная картина поколения, которую рисуют взрослые герои повести, наталкивается на намеренно подчеркнутую автором методическую беспомощность и человеческое бессилие преодолеть воздвигнувшиеся преграды. Причем бессилие это распространяется не только на учителей, которым "еще меньше нас (ребят - М.М.) хочется присутствовать на собственных уроках", преподающих "как в трехстах километрах от железной дороги", убежденных как Виктория Петровна, что "их надо наказывать", бегущих от любых обострений и "скандалов" как Лев Ефимович или

за внешней уверенностью и независимостью скрывающих "никогда не осуществившееся желание встать и сказать однажды: "Вы не смеете!" и "оскорбленную униженным смирением молодость" как Ирина Николаевна. В равной степени оно захватывает и Надежду Прохоровну, которая "старалась уяснить скрытый от ее понимания смысл", "наблюдала и терпела", стремясь "понять, что происходит", и Анатолия Алексеевича, понимающего - "сейчас же все боятся подростков. А их необходимо послушать". И тот, и другая, хорошие учителя и порядочные люди, терпят фиаско в своих начинаниях: Надежда Прохоровна "с невыразимой горечью думала о том, что не сумела отвести беду. И не было больше надежды, что все как-то само собою образуется...", Анатолий Алексеевич "с непреодолимым страхом перед прошлым и будущим" переживал "ощущение страшной неловкости и стыда за свою беспомощность", "горечь, растерянность и тревогу", "его мучило собственное бессилие", но дорогу понимания даже друг к другу они не находят, вращаясь в "страшном круге, в котором так тесно переплелись мертвые и живые... ". Хочется обратить внимание, что проблема "отцов и детей", конечно, не нова в литературе, но никогда прежде так остро не ставился вопрос об отчуждении "младших" от "старших".

Подчеркнутое неприятие системы ценностей старшего поколения - отличительная черта прозы для детей и юношества конца 80-90-х гг. Примеры тому можно множить без конца, но художественный приговор во всех случаях одинаков - это безжалостность друг к другу, неумение слышать друг друга, "бесконтактность" духовного общения. В прямой связи со сказанным находится проблема утраты нравственной традиции, дезориентации молодого поколения. Эти же проблемы затрагивает книга Л. Симоновой «Лабиринт».

Азаров Ю.П.

Не подняться тебе, старик: Роман-исследование./ Послесл. Т.М. Афанасьевой. – М.: Мол. Гвардия, 1989. – 302[2]с.

Книга Ю.П. Азарова, доктора педагогических наук, - это своеобразное художественно-публицистическое исследование о современной школе. В ней остро поднимаются вопросы, связанные со всем комплексом школьных проблем, таких, как творчество в учительском деле, личность учителя, система руководства школой. Писатель решил докопаться до корней кризиса отечественного образования и обнаружил клубок *жизненных противоречий*, которые туго оплели и новаторов и консерваторов школы и способны превратиться в бесконечную дурную повторяемость, тем самым отнимая надежду на непременною победу света над тьмой. Авторитарная педагогика никогда не сваливалась с неба - она была порождением жизни. Любая диктатура всегда больше всего заботилась о своих защитных и карательных силах, о закреплении своего образа и права, особенно - в системе обучения и воспитания подрастающего поколения. Советская школа планомерно превращалась в образцовую казарму. В таких условиях у педагога выбор ограничен и предопределен. Он может превратиться в добровольного и старательного надзирателя за юными. Учителя в романах Азарова являют эту странную помесь наставников детей и их надсмотрщиков. Одни из них обдирали сердце о колючую проволоку и - окровавленное - отдавали его детям, зная при этом: наградой будет только тайное и явное преследование коллег, но зато и бескорыстная преданность ребятишек. Другой путь - бесконечное лавирование, приспособление к «перманентным перестройкам». На этом опыте вызрела целая генерация отечественной интеллигенции, которую Азаров назвал оборотнями. Обратничество в воспитании приобрело нынче ухищренные формы, внешне вполне демократичные. За этими формами нередко скрывается стремление уничтожить такие великие педагогические идеалы, как равное гармоническое развитие, социальное равенство в приобретении высшего образования, создание равных возможностей для самореализации личности. Чего греха таить, и сегодня, спустя несколько десятилетий после опубликования книги, так называемый реализм целей зачастую утверждает селекцию, элитарность, пренебрежительное отношение к долям труда к малоимущим. Против

Азаров Ю.П.

**Подозреваемый:
Трансцендентальный роман. –
М.: Вагриус, 2002. – 479[1].**

В романе известный ученый, педагог, писатель и художник Юрий Азаров показывает огромные возможности всестороннего развития личности прежде всего с помощью новых принципов гуманистической педагогики, одним из признанных лидеров которой он является.

Азаров Ю.П.

Соленга: Роман-исследование. / Послесл. Г. Митина. – М.: Мол. гвардия, 1985.

«Соленга» - острое произведение о духовном становлении личности учителя, его авторитете, мастерстве и новаторстве, о подлинной гармонии в воспитании, которая возможна только тогда, когда научная технология соединяется с талантом и культурой педагога. В основе романа – живая повседневная практика, 30-летние поиски автора и многих педагогов. Значимость романа «Соленга» состоит в том, что в нем исследованы типичные стороны развития конфликтных ситуаций. Роман ярко прослеживает борьбу противоречивых сил и стремлений в душе самого учителя, борьбу, которую он ведет тяжело и из которой ему далеко не сразу удастся выйти победителем! Ему удалось это в тот день, когда на жестоко несправедливом разборе его урока директором, завучем и инспектором роно он четко, открыто сказал:

«Я – молодой и неопытный учитель. Но есть у меня такие вещи, за которые я буду стоять, чего бы мне это ни стоило». Так сказал, так жил и работал дальше. Вот эта история преодоления раздвоения личности, история внутренней борьбы призвания и принципиальности с трусостью и приспособленчеством, история трудного процесса (говоря словами Чехова) выжимания из себя по капле «раба», история, приведшая к победе человеческого в человеке, - вот, что и составляет смысл романа.

Азаров Ю. П.

Призвание [Текст] : публицист.

повесть : [для сред. и ст.

возраста] / Ю. П. Азаров ;

[худож. А. Дудин]. - М. : Дет.

лит., 1983. - 175 с. : ил. ; 20 см. -

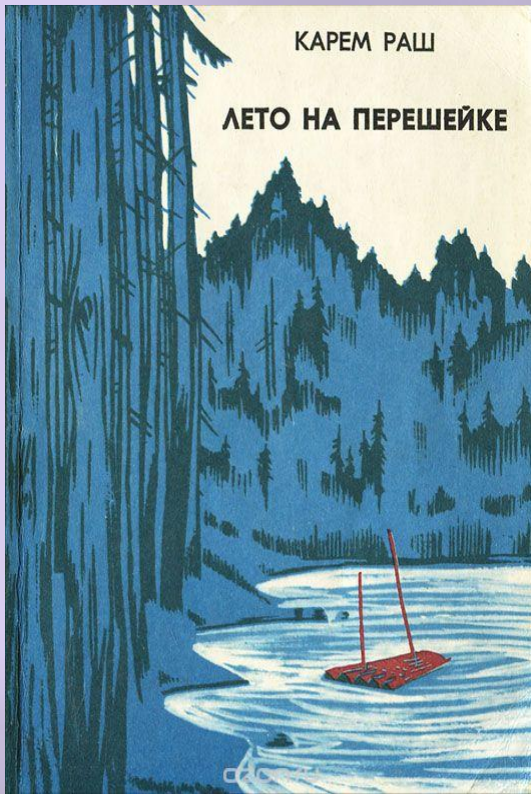
0.50 р.

Якименко, Владимир Львович.

Сочинение[Текст] : повесть и рассказы / В. Л. Якименко. - М. : Мол. гвардия, 1985. - 192 с. : ил. ; 16 см. - (Компас). - 0.25 р.

"Сочинение" - повесть о девятиклассниках, сложных нравственных проблемах, встающих перед ними: лидерстве мнимом и истинном, справедливости и жестокости, преодолении эгоизма, духовных исканиях. В книгу входят также рассказы, раскрывающие внутренний мир наших современников, людей молодых и пожилых, в различных житейских ситуациях. Книга написана драматично, напряженно, страстно. Тематически повесть "Сочинение" - о школе, но и не только. Это повесть о том, что, предав друга, смалодушничав, человек неминуемо предаст и себя, растаптывает главное в себе самом. О том, как нелегко бывает защитить свое достоинство. И о многом другом. Повесть неоднозначна, в ней живые характеры, герои написаны психологически точно, а оттого, что они молоды, неискушенны, особенно ранимы, всё воспринимается ими острее и больней. Автор чувствует живую речь, он умеет писать зримо, емко. Писателю удалось вскрыть тело подросткового общества, показать формирование мужского сознания. Роль главного героя у него отводится далеко не самым смелым и сильным духом ребятам. И на их примере прекрасно обрисовываются феномены и подчинения, и трусости, и затравленности, и мужества. И все это не в чистом виде, как обычно в нашей художественной литературе встречается.. А так, как оно в жизни. В книге полно и других тем, важных, воспитывающих. Эта книга

Раш, Карем Багирович.

Лето на перешейке [Текст] : повесть-быль / К. Б. Раш ; [авт. предисл. А. А. Лиханов]. - М. : Мол. гвардия, 1985. - 224 с.

Повесть Карема Раша - взволнованная и искренняя исповедь о выборе пути. Книга повествует о молодом воспитателе, отправившемся вместе с детьми на летний отдых в живописные места Карелии. "Лето на перешейке" рассказывает нам через судьбы детей, через горькую участь сиротства о красоте такого простого и такого непостижимо-прекрасного понятия, как семья. Это повесть о том, как встреча с детдомовцами неожиданно переворачивает жизнь благополучного востоковеда-пятикурсника. Это повесть о неразрывном единстве мира детского и взрослого, о причастности детства к высокому миру взрослых, о том, как детством поверяется взрослый мир. В центре внимания автора внутренний мир юных воспитанников детского дома, нравственные аспекты человеческих взаимоотношений, проблемы семьи. Живые образы героев повести остаются в памяти навсегда. Пересказать повесть невозможно. Как произведение художественное она не поддается пересказу, тем более, как убедится читатель, проза этой повести легкая, чистая и крепкая, полная тайной песенности. Эту книгу надо читать, и она вознаградит вас добрым сердцем, чистыми мыслями и вернет к той поре юности, о которой сам автор говорит строкой стихотворения: "мир еще в тумане, а бутоны обещают чудеса". Еще это повесть о верности. О преданности долгу, Отечеству и родному порогу. О верности, которая есть синоним счастья, как убеждает нас

Габова, Елена Васильевна.

Двойка по поведению [Текст] : повесть и рассказы / Е. В. Габова ; [авт. послесл. В. Дементьев]. - М. : Мол. гвардия, 1989. - 204[2] с.

Повесть «Школьные годы недетские» посвящена школе и рассказывает о жизни подростков-старшеклассников. Рассказ ведется от лица героини - "трудной" девочки Риты Игнатовой. Перед читателем проходит ее жизнь на протяжении девятого-десятого классов. Одновременно автор знакомит читателя со всем классом, в котором учится Рита, с педагогами, с атмосферой школы, с проблемами, которые волнуют в этом возрасте подростков, - проблемами, которые не всегда видны и понятны взрослым. В теме школы автор открывает свой угол зрения. В центре повествований Е. Габовой всегда стоит личность неординарная и самостоятельная, как та же Рита Игнатова, талантливая девушка из небольшого северного городка. Ей, как и другим героиням Габовой, присущ взрывной характер, она явно не из тихонь. Как и Таня Коданёва из рассказа "Двойка по поведению". Или строптива Алена Новикова - рассказ "Лишняя Новикова". Все эти героини еще воспринимают мир несколько упрощенно, их максимализм не знает границ, но они свято верят в добро и чувство товарищества. Их окружает сложная, такая противоречивая жизнь. У многих школьных героинь Габовой несчастные семьи, они с детства видят пороки нашего общества: это и пьянство, и какое-то душевное безразличие, даже жестокость взрослых, и отсутствие элементарной внутренней культуры. Такие конфликтные ситуации проверяют на прочность неокрепшие, детские еще души, заставляя их взрослеть и видеть свою ответственность за жизнь, за ее изменение к лучшему. Книга Елены Габовой «Двойка по поведению», на мой взгляд, - один из лучших образцов школьной прозы, изданной за последние несколько лет.

Есть сейчас такая тенденция: взрослые читают подростковые книги, чтобы лучше понять детей. И есть писатели, которые пишут специально, чтобы понравиться взрослым, угодить их вкусам. Эта книга - исключительно для детей. Ее не писали, чтобы угодить. Ее писали, чтобы поделиться: вот так у детей бывает, и вот так бывает, а правильно это или нет, решать читателям. Книги Е. Габовой - преимущественно для подростков и юношества. В ее рассказах действие происходит в школе, но уроки - это лишь фон, на котором разворачиваются истории любви, ревности, дружбы и предательства. Герои рассказов - обыкновенные ребята, часто из неблагополучных семей, но подростки везде одинаковые, всем хочется тепла и понимания. Рассказы невероятно трогательные. В них есть и подростковая ранимость, и юношеский максимализм.

Елена Габова - последовательница Владислава Крапивина. Она не только сама в детстве зачитывалась его книгами, но даже стала несколько лет назад лауреатом Международной премии Владислава Крапивина. Для писательницы важны те же идеалы, что и для любимого Командора - искренность, честность, доброта, чувство собственного достоинства.

Следует отметить, во-первых, мощный талант прозаика-реалиста, тонкого наблюдателя за людьми и природой, пропускающего через себя все истории и трепетно относящегося к живой жизни. Во-вторых, это отточенный язык, даже подростковые словечки в этом чистом тексте не выбиваются. В-третьих, и это самое главное, кусочки души, вложенные в каждый рассказ.

Вяземский, Юрий Павлович.

Шут [Текст] : повесть и рассказы : [для детей] / Ю. П. Вяземский ; [худож. М. Лисогорский]. - М. : Мол. гвардия, 1982. - 207 с.

Повесть и рассказы посвящены сложной проблеме становления личности и подростка, неоднозначности восприятия им окружающего мира. Вяземский рассказывает о молодых людях. О школьниках. И вот этих молодых людей часто жизнь своими крутыми поворотами заставляет размышлять о справедливости и притворяться ей зле, о способности личности отстаивать и утверждать собственные (и общие) принципы. И заставляет действовать. В этом смысле примечательна повесть "Шут". Повесть о жизни и смерти Шута - притча. Хотя никаких фантастических событий и преувеличений в ней нет. Автор-рассказчик находит на антресолях старые тетрадки. Это и есть дневник Шута. Жил на свете школьник Валя Тряпишников. Шесть лет его жизни - от девяти до пятнадцати лет - отражены в этих записях. Валя рос мальчиком впечатлительным, книжным. Книжными, хотя и довольно деловыми, были и его родители. Они казались людьми достойными, но, если верить тексту дневника, не существовало в доме Тряпишниковых душевного тепла. И правды. И Вале многие жизненные проблемы приходилось решать в одиночку. Очень скоро ему предстояло выяснить с самим собой, как относиться к проявлениям дурной и жестокой силы, к несправедливости и подлости. Тогда и явилась Вале мысль о том, что есть способ защищать справедливость, доступный ему. Высмеивание противника. Причем высмеивание не примитивное. А основанное на расчете, на холодном исследовании слабых сторон человека, его тайных пороков. Шли годы. Исполнилось Вале пятнадцать лет. Шесть он уже считал себя Шутом. Учился в девятом классе. В школе был примечательной личностью. Жизненной практика Вали оснастилась и теорией. Что такое шутство, по Тряпишникову? "Оружие безоружного. Сила слабого..." Кажется, хорошо, но жизнь по Системе сделала Валу, парня доброжелательного, совестливого, чрезвычайно одиноким человеком. Одиноким судьей и "палачом". Сам процесс шутства увлек Тряпишникова, превратился для него в самоцель, некоторые его "шутэны" привели лишь к мелкой мести, а потом они деформировались и в обыкновенную подлость. Шут постоянно стал ранить людей. Рыцарь справедливости превратился именно в Шута, причем жестокого, мелкого... Наконец в него ткнули пальцем. Да он и сам мучительно, но все понял. И тогда Шут умер - перестрадав, явился к людям и к себе новый Валентин Тряпишников. История Шута, себя перешутившего. В ней немного событий. Повествование идет в форме исследования личности Вали, его побуждений и поступков, исследования, отталкивающегося от забытых записей в старых тетрадях. Герой получился живым человеком. И особенным. И похожим на других подростков конца семидесятых годов. Парень он тонкий, начитанный, увлеченный, в частности, древней культурой и литературой Дальнего Востока (Японии, Тибета и т.д.). А потому в его дневниковых записях встречаются цитаты из разных книг и учений. Есть притчи в притче. Есть трактовки и толкования Вали тех или иных образов, теорий. Обращение к пласту своеобразной восточной культуры помогает автору объяснить своеобразность фигуры Тряпишникова, его жизненных оценок и решений. И помогает «сложить» повесть-притчу. А притча эта о средствах и целях, о перерождении благородной идеи.

Щербакова, Галина Николаевна.

Отчаянная осень [Текст] : повести / Г. Н. Щербакова. - М. : Мол. гвардия, 1985. - 268 с. : ил. - (Очарованная душа).

Герои повестей Г. Щербаковой - школьники. Не всегда родители и учителя согласны с ними в их понимании жизни, определения в ней своего места, но в спорах меняются и те и другие. Повести эти о том, как важно не потерять друг друга в трудных обстоятельствах.

Каугвер, Раймонд.
Мы не виноваты [Текст] :
роман : пер. с эст. / Р. Каугвер.
- М. : Сов. писатель, 1986. - 296
с.

Общеобразовательная школа,
проблемы обучения и
воспитания подрастающего
поколения, личность педагога
- таков круг актуальных
проблем, которые ставятся
автором в его романе.

The image shows the cover of a book. At the top, the author's name 'ЕВГЕНИЙ ТУИНОВ' is printed in a simple, sans-serif font. Below it, the title 'Человек бегущий' is written in a large, stylized, cursive script that appears to be painted or drawn in white on a dark green background. The overall aesthetic is that of a classic Soviet-era literary book cover.

ЕВГЕНИЙ ТУИНОВ

Туинов, Евгений Вячеславович.

Человек бегущий [Текст] : роман / Е. В. Туинов. - М. : Мол. гвардия, 1989. - 364,[2] с.

Школа, учителя, ученики. Долго мы образование наше считали лучшим в мире, писали победные отчеты, закрывали глаза на недостатки... Токсикомания и наркомания, растерянность взрослых перед наступлением на юное сознание массовой культуры, культ грубой физической силы, дух торгашества и наживы среди учеников - это тоже о нашей сегодняшней школе. Автор романа, не обходя острых углов, пытается разобраться во всех этих "открывшихся вдруг" противоречиях. Современная школа... Что произошло с ней за последние 10 лет? Твой сверстник делает бизнес, наживаясь на одноклассниках: все на продажу - от кассет и наркотиков до преданности любимой девушки. Другой уходит в наркотическое беспмятство, спасаясь от пустоты существования, безысходности и фальши окружающей жизни. Третий тупо «фанатеет» в рок-клубах и на дискотеках, превращаясь в агрессивное, неуправляемое животное. Как спастись юной душе в этом безбрежном хаосе, на что опереться? Как сохранить себя от посягательств сил разрушений и распада? Написанный 10 лет назад, роман не утратил своей актуальности и по сей день: автор "Человека бегущего" сумел предугадать многие большие проблемы в жизни современной молодежи.

Соломко Н.З.

**«Если бы я был учителем...»:
Повести и рассказы. –М.: Дет. лит.,
1987.**

В книгу входят повести «Белая лошадь – горе не мое», «Если бы я был учителем...» и рассказы «Любовь октябренька Овечкина» и др. о жизни современной школы 80-х годов, об учителях, молодых и опытных; о школьниках, их заботах и радостях.

Проявление конфликта через ряд микроконфликтов, последовательно или параллельно развивающихся, в детской и подростково-юношеской прозе встречается чаще в тех произведениях, которые построены как исследование характеров героев.

Подобным образом построены повести Э.Пашнева "Белая ворона", В.Токаревой "Талисман", А.Лиханова "Благие намерения".

Отчетливо прослеживается названный принцип в повести **Н. Соломко** "Белая лошадь - горе не мое", где становление личности начинающего учителя Александра Арсеньевича происходит через

многочисленные столкновения, различные по значимости для его духовного развития. Среди них и пощечина учителю труда, "незатейливому человеку", "в качестве педагогического воздействия применявшему иногда легкое рукоприкладство", и стычки с администрацией из-за "трудных" учеников, и борьба за душу Бори Исакова с развращающей его семьей, и нарастающий антагонизм между прежним "мечтательным, замкнутым юношей, все свободное время проводившим за книгами" и его коллегами... Все эти столкновения, от первого - с техничкой, не признавшей в молодом

человеке учителя, до последних, которые грозят прервать карьеру главного героя, не равны по жизненной значительности, однако близки по сюжетообразующей роли: сливаясь в читательском

восприятии в единый конфликтный узел, они, дополняя друг друга, ярко иллюстрируют **противоборство старой "дисциплинарной" школы с новыми, гуманистическими и демократическими, тенденциями.**

Но к концу столетия эти принципы стали меняться, вслед за изменяющейся обстановкой в стране. Таковую картину мы можем увидеть в повести **Юрия Полякова «Работа над ошибками».**

Поляков, Юрий Михайлович.

Работа над ошибками : повести / Ю. М. Поляков. - Петрозаводск : Карелия, 1990. - 191 с. - (Школьная б-ка).

Автор показывает, как в условиях кризиса советских идеалов нарушается нравственная преемственность и усиливается отчуждение между поколениями. Через призму восприятия главного героя мы видим все события, происходящие в школе и за ее пределами. Он заинтересовал учеников одной идеей – найти рукопись, и ребята делают все, чтобы помочь своему учителю. Он видит учителей, которым не интересна их работа. Он старается увлечь детей в процесс обучения, но устоявшиеся порядки в школе и постоянное влияние директора: «ну зачем тебе это надо», не позволяют молодому педагогу раскрыть себя и свою душу для учеников.

Мы видим отношение многих родителей к воспитателям своих детей: «...считают учителей неудачниками, не нашедшими в жизни место получше – и детям своим внушают».

Молодой педагог не может справиться с трудностями, которые встречает в школе, он решает ее покинуть.

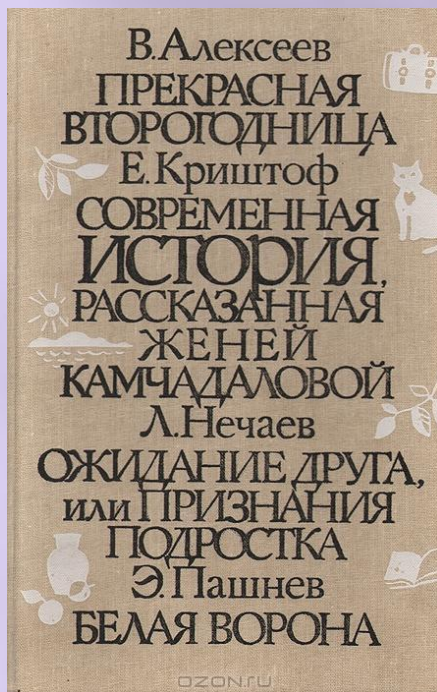
В повести затронут широкий круг проблем из жизни современной школы: закулисные интриги в педагогическом коллективе, репетиторство, дети-акселераты и инфантилизм отдельных учителей, сложности в работе с современными детьми, которые на каждом шагу видят расхождение между словом и делом. Сделаем вывод, что в литературе данного периода появляется проблема потери авторитета по вине самого учителя.

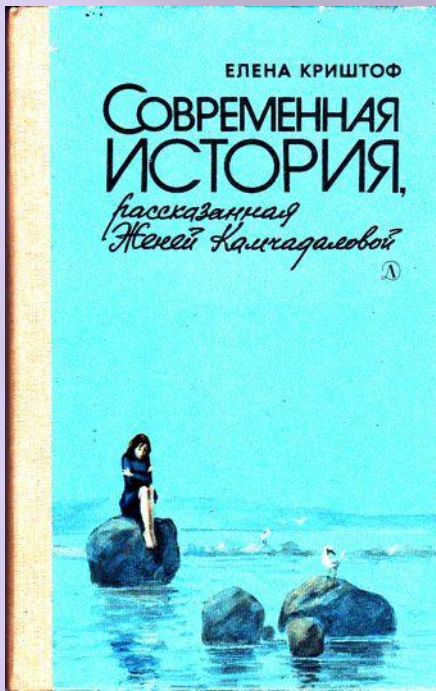
Цессарский А.В.

Испытание: Повесть об учителе и ученике. – М.: Дет. лит., 1991. –191 с., ил. – (Диалог).

Сухомлинский когда-то сказал, что ребенок – это зеркало нравственной жизни родителей. Мысль эту следует продолжить: школа – зеркало нравственной жизни общества. Кризис школы – это кризис всего нашего общества. Духовной основой в школе должна быть нравственность в отношениях учителя и ученика. Иначе разрушается самая основа обучения – они друг другу не доверяют. Как же подступиться сегодня нашей школе к выполнению великой воспитательной задачи? Каким ключом открыть душу таких, как герой книги Саша Шубин, для восприятия высоких идей? Как завоевать и удержать его доверие? Только одним путем – ИСКРЕННОСТЬЮ! Об этом повествует эта книга : о становлении личности подростка, об отношениях с родителями и учителями, о проблемах

В «застойные» и «постперестроечные» годы взаимоотношения ученика и педагога меняются. Причина кроется в подмене моральных ценностей материальными. На первый план выходят не общественные, а личные интересы. Другая шкала ценностей соответствует «двойственной личности и двойственной морали». Деньги и карьера становятся основным интересом в жизни. В таких условиях невозможно сохранить прежние положительные взаимоотношения ученика и учителя. Наравне с традиционным образом учителя в **перестроечные** годы появляется новый тип – стремящийся сделать карьеру и занятый личными делами учитель.

Криштоф, Е. Г. Современная история, рассказанная Женей Камчадаловой : роман / Е. Г. Криштоф. – М. : Дет. лит., 1985. – 174 с. : ил.

В произведении «Современная история...» представлен традиционный образ педагога, которого ученик интересуется как личность, имеющая право на сомнения, эмоции и стремления.

Пожилая учительница литературы принимает детей такими, какие они есть, со всеми их ошибками, и искренне переживает за них, в то время как молодая представительница этой профессии Лариса Борисовна формально подходит к своим обязанностям. Однако и Марта Ильинична не является идеальным образом: ей не хватает той энергии, которая есть в Ларисе. Проблему, которую автор поднимает в этой повести, можно описать следующим образом: учитель способен понять ученика лишь с опытом. К сожалению, чаще всего, когда этот опыт приходит, ученики начинают тянуться к другим, молодым педагогам, не имеющим той мудрости, которая помогает решить проблемы.

Железников, Владимир Карпович. (1925-).

Чучело : [повесть для среднего школьного возраста] / В. К. Железников ; [худож. С. А. Крестовский]. - М. : АСТ : Астрель, 2008. - 382, [1] с. : ил. ; 20 см. - (Серия "Внеклассное чтение").

Школьные годы : сборник. - М. : Дет. лит.

Вып. 3 : Прекрасная второгодница / В. А. Алексеев. Современная история, рассказанная Женей Камчадаловой / Е. Г. Криштоф.

Ожидание друга, или Признания подростка / Л. Е. Нечаев. Белая ворона : повести / Э. И. Пашнев ; [худож. О. Филипенко]. - 1990. - 414 с. : ил.

В 3-ий выпуск входят повести о сложном внутреннем мире подростка, о той поре, когда формируется характер, складываются жизненные взгляды и убеждения. Школьная жизнь, семья, взаимоотношения с товарищами, первая любовь - все эти проблемы своеобразно и остро затронуты в повестях

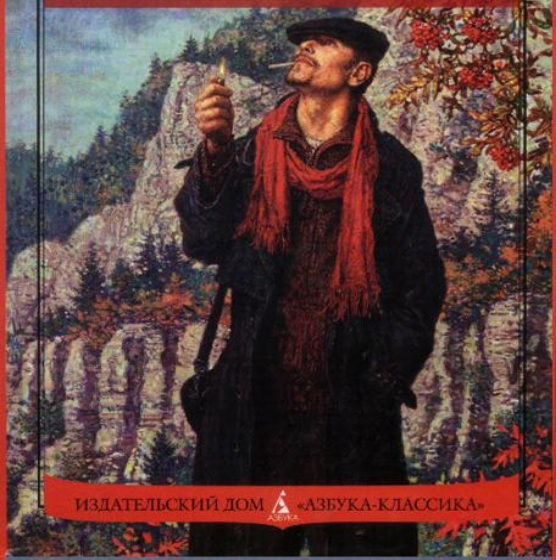
Перестроечная эпоха характеризуется как эпоха «каких-то странных игр, поддавков, обманов и самообманов». Постулат «Учитель всегда прав» расшатывается, следовательно, снижается авторитет учителя. Со стороны учеников возникает протест. Учащийся имеет теперь права наравне с учителем и активно ими пользуется. Свобода действий и слова приводят к негативным последствиям – частичному или полному отсутствию грани между нравственностью и безнравственностью, моральной неразвитости. В **постперестроечное** время учитель оказывается в следующих условиях: с одной стороны, к нему предъявляются определенные требования со стороны учеников и родителей. Педагог постоянно должен помнить о личных особенностях ребенка, строить свою деятельность в соответствии с его интересами. С другой стороны, к учителю предъявляются требования со стороны администрации, определяющие стиль его работы и поведения. Отношения учителя и ученика характеризуются отсутствием взаимопонимания и взаимоуважения. Ученик сосредоточен на собственных правах и желаниях. Это вызывает соответствующую реакцию учителя.

В репертуаре современной литературы оказался практически вытесненным на периферию жанр школьной повести с его особой поэтикой: реальность менялась настолько стремительно, что литература за ней просто не успевала. Классика – В. Драгунский, Е. Носов, А. Алексин, В. Тендряков – не всегда оказывается способной ответить на все вопросы современного детства, современной школы.

Внимание к школьной теме обнаруживается в творчестве Алексея Иванова, вызывающего большой интерес читателей и критиков. Образ школы как своеобразной метафоры обнаруживается и в романе «Географ глобус пропил», и в «Общаге-на-крови», и в «Блуда

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВ

ГЕОГРАФ ГЛОБУС ПРОПИЛ

Иванов, Алексей Иванович.

Географ глобус пропил [Текст] : роман / А. И. Иванов. - СПб. : Азбука-классика, 2007. - 508[4] с.

В романе «Географ глобус пропил» перед нами агрессивно равнодушные друг к другу учитель и ученики. Главный герой романа Виктор Служкин, вернувшись в свой родной город после окончания биофака, устраивается в школу преподавать не биологию, а географию (а почему нет, если только это место свободно?). Вакансия закрыта, администрация школы довольна, одна лишь завуч Роза Борисовна, прозванная учениками Угрозой, с пристрастием спрашивает: «Вы имеете понятие о психологии подростка? Вы сможете составить себе программу и планы индивидуальной работы? Вы умеете пользоваться методическими пособиями? Вы вообще представляете себе, что такое школа?..» Служкин же ненавидит школу как общественный институт прежде всего потому, что он так и остался вечным учеником, несмотря на возраст, семью, маленькую дочку. На уроках он уныло пересказывает скучный учебник, чувствуя себя не учителем, а его временным заместителем. Девятиклассники же – «отцы», «зондеркоманда», «красная профессура», как называет их Служкин, ждут от учителя решительности, постоянно проверяя его на прочность. А Служкину ничего не стоит сплести фантастическую историю про свою школьную любовь или прямо на уроке сыграть в карты «на интерес» с доставшими его двоечниками-девятиклассниками, выпить с учениками или сводить их в серьезный поход по Каме. Но в то же время этот странный персонаж ведет кропотливую работу, чтобы изменить отношение школьников к жизни, чтобы из них вышли личности. Свою миссию он видит в следующем: «Я – вопрос, на который каждый из них должен ответить». Служкин, делая в какой-то степени учеников залогом собственного нравственного спасения, отправляется с ними в тяжелейший и опасный поход не для того, чтобы им открыть новые горизонты, а для того, чтобы решить собственные проблемы: «Воз слепого бессилия, который я волок по улицам города от дома к школе и от школы к дому, застрянет в грязи немощной дороги за городской заставой. Река Ледяная спасет меня. Вынесет меня, как лодку, из моей судьбы». «Задумывал я его как проповедника, может быть, даже как библейского пророка, - правда, обесцвеченного современным бытом, - у которого главное дело в жизни – служение истине, как он ее смог понять. Поэтому он и Служкин», - раскрывает свою задачу писатель. Эта «обесцвеченность современным бытом», уродующая героя, показана в романе со стереоскопической точностью. Служкина, конечно же, увольняют, и праздник последнего звонка он наблюдает из-за школьного забора: «Ему был виден весь ряд девятиклассников. Он различил и Машу – такую красивую в бантах, - и Люську, и ехидного Старкова, и Скачкова, спавшего в чемодане, и всю красную профессуру, и рыжего Градусова с его присными, и двоечников Безкина, Тютина, Демона, и всех, кто целый год мотал ему нервы, бездельничал и пакостил, или зубрил и терзал вопросами, или болтал с соседями, не обращая внимания на Географа».

Иванов, Алексей Викторович.

Блуда и МУДО : роман / Алексей Иванов. - Москва : АСТ, [2014]. - 571, [2] с.

Герой, близкий по духу Служкину, появился и в последнем романе Иванова «Блуда и МУДО». «Блуда» на городском жаргоне означает «неприятность». МУДО – «муниципальное учреждение дополнительного образования», по-старому – дом пионеров. Там и работает провинциальный художник Моржов, которого значительно больше интересуют воспитательницы, нежели пионеры. Иванов на презентации своего романа сказал журналистам: «В этой книге я объясняю, почему у нас в стране все устроено таким образом, а не иначе, я рассказываю о новом типе мышления, сформировавшемся в нашем обществе». Герой романа Моржов дает этому новому типу мышления название: *«Он знал выражение «клиповое мышление». Выражение было неверным. Мышление – это логика, процесс. А процесс не может существовать разорванными вспышками, как железная дорога не может существовать только в виде мостов через реки. Клиповым может быть лишь видение мира, а не мышление. Мышление – пиксельное: механическое сложение картины мира из кусочков элементарного смысла».* Автор обнаруживает это пиксельное мышление не только у замотанных педагогов, не только у неуправляемых детей, но, прежде всего, у чиновников от образования, ведь именно с их выступления на педсовете и начинается эта современная история о «мертвых душах». Доказывая, что *«наше время – рыночное, а система образования – такой же сегмент рынка, как и всё прочее»*, чиновник Манжетов обрадовал всех присутствующих новостью: *«С будущего учебного года финансирование учреждений образования будет осуществляться по подушевому принципу. Сколько у вас детей – столько денег и будет выделено. <...> Что поделать – рынок, конкуренция. Думаю, вам самое место именно на переднем крае педагогической реформы. Наступающее лето необходимо сделать временем накопления опыта, чтобы с осени вводить новый порядок по всему городу. Я думаю, для этого лета вашим девизом должны стать слова «инновации», «модернизация» и «оптимизация».* В связи с готовящимися переменами учреждение дополнительного образования собираются переделать в антикризисный центр, преданных делу преподавателей выгнать, а детский лагерь отдать спонсорам – железной дороге. Педагоги МУДО спешно собирают детей, но их число слишком невелико, потому для отчетности Моржов, этакий Чичиков XXI в., собирает по школам сертификаты, используя свои связи, прежде всего с женщинами. Имитируя для приехавшей комиссии активную и насыщенную жизнь лагеря, Моржов и три молодые учительницы ставят целый спектакль, заявив в итоге: *«Всем спасибо за лицемерие».* Назло всем реформам *«МУДО, подобно битой посуде, живущей два века, продолжило свое безуспешное процветание под добрым руководством Шкиляевой, увядающей хризантемы народного образования».*

В этом же ряду, безусловно, стоит повесть Екатерины Мурашовой «Класс коррекции», книга вызвавшая массу дискуссий и споров еще в рукописи, поражающая своей безжалостной правдой и удивительной искренностью.

Мурашова Е.В.

Класс коррекции: повесть [для сред. и ст. шк. возраста]/ Екатерина Мурашова. – 2-е изд. – М.: Самокат, 2007.- 192 с. – (Серия «Встречное движение»).

«Дети, сегодня я прошу вас вспомнить о таком понятии, как «милосердие»! в ответ на эту просьбу половина нашего класса «Е» весело заржала. Другая половина, та, у которой сохранились мозги, насторожилась. И было отчего. Я думаю, что в тот день это самое слово – «милосердие» - прозвучало в стенах нашего класса впервые за все семь лет, которые мы провели в школе. Почему? Так уж получилось. Не говорят в нашем классе такими словами. Отчего же теперь? Клавдия, наша классная руководительница, переминалась с ноги на ногу и закатывала глаза. Если бы Клавдия была лет на двадцать моложе, то, наверно, в этот момент напомнила бы нам (тем, кто способен мыслить сравнениями) героиню Тургенева. Такого с ней на моей памяти тоже не случалось – обычно, заходя в класс, она сразу начинала истошно орать, и ни на какие романтические сравнения её образ не напрашивался. Глядя на переминающуюся Клавдию, я сразу подумал о том, что наш класс решили расформировать прямо сейчас, не дожидаясь конца года. Все учителя нас давно этим пугали, и вот наконец свершилось. Но только при чем тут милосердие?» - так начинается история, которая произошла с 7 «Е» и которую рассказывает Антон, один из участников этого школьного «Гарлема». Эта повесть о правде современной школьной жизни, жестокой и беспросветной, где слово «милосердие» в активный словарь не входит, где дети вынуждены придумывать себе другой, светлый, добрый и справедливый мир, и жить в нем, а значит – умирать в этом. «Наша школа – огромная, в ней триста учителей и полторы тысячи учеников. Стоит она на пустыре среди новостроек и вся напоминает чью-то (забыл, чью) мечту: всё здание из стекла и бетона, огромные окна от пола до потолка, на полах – блестящий желтый линолеум цвета свежего детского поноса, на стенах – написанные маслом картины счастливого детства. В классах много цветов с большими кожистыми листьями, в глазированных горшках. Не знаю, как они называются, но один ботаник из старшего класса как-то объяснил мне, что эти цветы растут в каких-то американских пустынях, где больше вообще ничего не растет. Теперь я понимаю, почему они у нас в школе выжили и все заполнили. Первые два класса в каждой параллели – «А» и «Б» - у нас гимназические. У них лучшие учителя, три иностранных языка, а кроме того, им преподают всякие важные и нужные предметы – вроде риторики и истории искусства. «Ашки» покруче, чем «бешки», там больше зубрилок и детей спонсоров. Классы «В» и «Г» - нормальные. Там учатся те, у кого все более-менее тип-топ и в голове, и в семьях. В «В» - скорее более, в «Г» - менее. Мы – класс «Б». Можете себе представить. И это при том, что всех откровенных дебилов нашего района сливают в 371-ю школу. Там – классы по 10 человек и особые программы. Выхода оттуда нет никакого – только на улицу или в интернат для хроников. Впрочем, у нашего «класса коррекции» перспективы тоже далеко не блестящие». Школа как макромир показана Мурашовой с предельной откровенностью. Страшным и больным становится мир взрослых, а не мир по-настоящему больных детей. Клавдия Николаевна, классный руководитель седьмого «Е», внушает молодому учителю географии, единственному, который встал на сторону ребят: «Школа – всего лишь слепок с общества в целом. Неужели вы не видите разделения на «классы» всего нашего мира? Бедные и богатые. Удачливые и неудачники. Умные и глупые...

Школа не может изменить мир, который существует за ее пределами... Мы разработали для класса коррекции особые программы, учителя преподают там в условиях, приближенных к боевым... мы научили их читать, писать и считать, но поймите, мы не можем изменить их судьбу!» Изменения начинаются с приходом в класс нового ученика с диагнозом ДЦП. Мальчик из интеллигентной и любящей семьи (чуть ли не единственный в классе) не только объединяет седьмой «Е», но неожиданно проявляет в ребятах доселе не востребованное: умение терпеть и защищать, заботиться и сопереживать, думать и мечтать. Юра обладает особым даром – уходить от страданий и безысходности в параллельный мир, где сбываются все желания. Мир «вечной весны», где есть земляничная поляна и придорожный кабачок «Три ковбоя», город с фонтанами и замок принцессы, мир, где можно обойтись без инвалидной коляски и костылей и куда Юра организует «экскурсии» для своих одноклассников. И все же повесть – оптимистическое произведение, оптимистическое вопреки. Класс коррекции и существует вопреки всему – школьным порядкам, жестокости, болезням, нищете. Ребята сами познают значения слов «милосердие», «доброта», «дружба». Вывод из этой светлой повести с грустным финалом один – коррекция срочно необходима нашему обществу, всем нам. Повесть Е. Мурашовой сильно выделяется в общем потоке современной отечественной подростковой литературы и литературы о школе. Тема детей – отбросов общества, зачастую умственно неполноценных, инвалидов, социально запущенных, слишком неудобна и некрасива, трудно решиться говорить об этом. Но у автора получается жизнелюбивое, оптимистическое произведение там, где, кажется, ни о каком оптимизме и речи быть не может. Мурашова не развлекает читателя, не заигрывает с ним. Она призывает читающего человека к совместной душевной и нравственной работе, помогает через соучастие, сочувствие героям книги осознать себя как человека, личность, гражданина. Повесть Е. Мурашовой абсолютно лишена педагогического морализаторства во многом потому, что история «класса коррекции» рассказывается от первого лица, от лица ученика. Законы школьного мира воспринимаются глазами ребенка и, возможно, от этого становятся еще более страшными и непонятными. Этот прием использует А. Геласимов.

Известность пришла к нему через Интернет благодаря рассказу «Нежный возраст» (Геласимов, А. Нежный возраст: рассказ /А. Геласимов // Октябрь. - 2001. - №12. - С. 29 - 35).

Повествование ведется в форме дневниковых записей четырнадцатилетнего подростка. Действие рассказа происходит в 1995 году. Однако, по сути, перед читателем предстают три поколения - сам герой рассказа и его ровесники, родители рассказчика и старушка-соседка, дающая уроки музыки, Октябрина Михайловна. Три разных поколения - но вызывают все одно и то же чувство, и это чувство безысходности. Три поколения, и все три - потерянные. У героя распадается семья, но в дневнике мальчика этому уделено крайне мало места - ругань родителей для него дело обычное. Куда большую роль играет образ Одри Хепберн - актрисы, увиденной героем в случайно просмотренном фильме «Римские каникулы». Одри для героя - символ какого-то другого мира, лучшего, чем тот, что его окружает: «Как меня все достали. В школе одни дебилы. Что учителя, что одноклассники...

Интересно, сколько стоит хороший автомат? Мне бы в нашей школе он пригодился... Переводишь автомат на стрельбу очередями и начинаешь их всех поливать. Привет вам от Папы Карло». Образ автомата как символ реального мира противостоит образу Одри Хепберн как символу мира идеального. Но реальный мир не менее хрупок, чем мир идеальный. И «нежный возраст» героя - детство, подходит к концу, а привычный ему окружающий мир рушится на глазах. Заканчивается дневник героя (а вместе с ним и рассказ) словами: «Октябрина Михайловна умерла. Вчера вечером. Больше не буду писать». Коротко и гениально. Изящно и вовремя поставлена точка. А перечитывать и вникать в подтекст рассказа хочется снова и снова. Потому что невысказанное здесь куда глубже и богаче сказанного.

Геласимов, Андрей Валерьевич.

Жажда ; Фокс Малдер похож на свинью : повести / А. В. Геласимов.
- М. : ОГИ, 2003. - 128 с. - (ОГИ проза).

Герой повести «Фокс Малдер похож на свинью» тоже современный подросток. Главный герой, Саша, попав в новую школу, сразу ощущает себя чужим: «Самое противное – это уменьшительный суффикс в определении «новенький». «Еньк» - звучит просто похабно. Попробуй повторить его три раза. Что получилось? Применительно к вещам он ведет себя довольно прилично – чувствуется гордость владельца. Некоторый шик с элементами понятной радости. Новенький видеомаягнитофон. Новенький автомобиль. Новенький сотовый телефон. Слышно, как суффикс честно выполняет свою работу. Но ему для этого требуется существительное. Собственно сам предмет. Тогда его еще можно вынести. В школе совсем другая история. Слово «новенький идет само по себе. Без существительного. Ежу понятно, что тут имеется в виду. Никому не нужный человек, который не знает, как себя вести, с кем разговаривать, куда садиться, который самому себе противен. Спасибо, дорогие родители. Да еще и новая школа одна чего стоит». Саша сочиняет роман, поэтому его размышления о школе, о друзьях, о жизни вообще столь литературны. Он постоянно ставит себе вопросы, а в поиске ответа раскладывает мысли, предложения, слова, звуки на составляющие: «К кому идти, если в голове одни ответы. На всех уровнях морфологии. Например, имя существительное – небо, трава, дети, вино, птицы, ветер. Хоть в единственном числе, хоть во множественном. И род какой хочешь: небо – оно мое, дети – они мои, трава – она тоже моя, и ветер мой тоже. Чего тут непонятного? Никаких вопросов. Все ясно. Потом имя прилагательное – дети какие? Смешные. У них толстые щеки и круглые глаза. Небо какое? Красивое. Трава какая? Зеленая. Если разжевать, во рту останется запах. Вино какое? Хорошее. Но надо уметь выбирать. На то, чтобы научиться, уходят годы. Наконец – глагол. Чем занимаются на траве? Пусть каждый ответит для себя сам. Что делать с детьми? Ничего. Они уже сами все знают.<...>Глаголы нужно подчеркивать двумя линиями. Но это уже синтаксис, а не морфология. В школе по этому поводу было много вопросов».

Гришковец, Е. Начальник / Е. Гришковец // Следы на мне : рассказы / Е. Гришковец. – М., 2007. – С. 164–203.

В рассказе «Начальник» Евгения Гришковца центральным героем становится Владимир Лаврентьевич – преподаватель фотокружка. Это учитель не по статусу, а по призванию. Он мастер своего дела, и на свой кружок он берет не каждого, а детей с определенными способностями к этому виду деятельности, которые тоже нужно разглядеть. Чтобы определить статус каждого ученика в своём кружке, Владимир Лаврентьевич придумывает прозвища, такие как «дядя» или «начальник». Каждый ученик в этом кружке старается раскрыть свои способности и тем самым заслужить уважение и право называться «дядей».

Здесь представлен другой тип учителя-человека, популярного среди подростков. Он имеет авторитет, умеет устанавливать свои правила, которые необходимо соблюдать, но самое главное – он воспитывает в учениках чувство прекрасного, способность проявлять индивидуальность, умение жить и работать в коллективе – одним словом, то, что отличает человека от других существ.

Штурм, Наталия. Школа строгого режима, или Любовь цвета юности.

Книга певицы Н. Штурм пронзительна как проза Павла Санаева и скандальна как фильмы Валерии Гай-Германики. Она переворачивает все представления о «чудесных 80-х». Говорите, счастливое советское детство? Дорогие дети, ваши родители «отжигали» как вам и не снилось! Родители, вы держите в руках книгу о своей юности. 1 сентября ...года пять учениц престижной московской школы решают провести выпускной год так, чтобы было о чем вспомнить...Откровенное обнажение лицемерия интриг в учительской, отношений между учителями и учениками, между самими однокашниками, фальшь в школе и после уроков, обманчивая благостность самого времени, которое кажется таким привлекательным после всего, что случилось со школой и со страной потом. Всё это представлено в книге. А для кого-то это время — пора детства, которое никогда не вернуть, и в памяти о нем остается только самое хорошее. Эта книга о том, О ЧЕМ МНОГИЕ УЧИТЕЛЯ ПРЕДПОЧЛИ БЫ ЗАБЫТЬ

Илга Понорницкая

Эй, Рыбка!

Понорницкая, Илга.

Эй, рыбка! : [повести] / Илга Понорницкая. - Москва : Самокат, [2011]. - 182, [1] с. ; 21 см. - (Встречное движение)

Две повести Илги Понорницкой - "Эй, Рыбка!" и "Школа через дорогу" - школьные истории о мире, в котором тупая жестокость и безнравственность соседствуют с наивной жертвенностью и идеализмом, о мире, выжить в котором помогает порой не сила, а искренность, простота и открытость. В первой повести «Эй, Рыбка!» между учениками и учителями, родителями и детьми – увы, столь привычно высокая стена непонимания. Учитель русского языка окрещён учениками характерным прозвищем – Кирпич. Ребята его не уважают, надсмехаются и дразнят. Другая представительница учительского сообщества – биологичка Светлана Павловна, которая, как кажется детям, не видит за своими семенами никого. Родители тоже особой чуткостью и заботой не блещут. Мать одного из главных героев – Сашки Боброва как-то за чекушкой признаётся соседке, что не накладывает на себя рук не потому что боится оставить одного сына (она и сейчас, понимает, что не справляется с его воспитанием), а лишь из-за того, что не хочет попадать в ад и лишиться возможности потом, в другой жизни, стать женой олигарха. И вот у главной героини – девочки-подростка рождаются отчаянные слова: «Ну почему так страшно показать, что ты кого-то любишь?.. Надо мной будут сеяться. Зачем вообще кого-нибудь любить?»

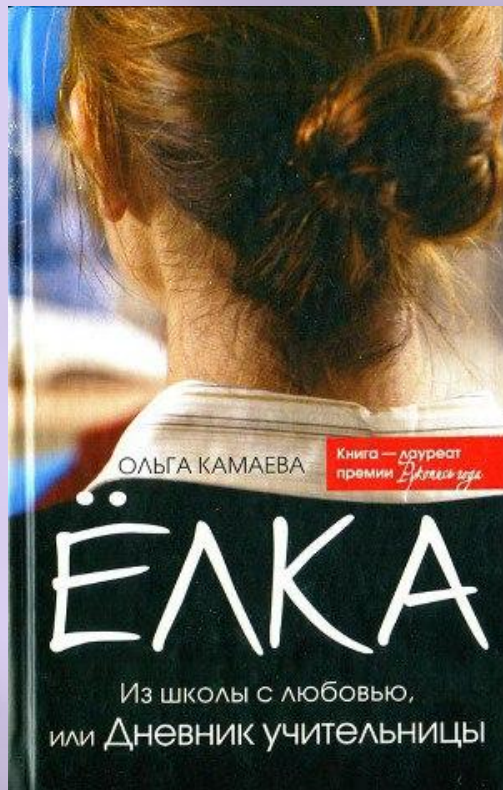
Но отчаянье смывается любовью, новой дружбой. И главное - дети находят отдушину в рыбках. Благодаря ним, живущим в аквариуме, установленном в школьной теплице, любовь - естественная потребность молодой души - находит путь для своего осуществления. И тем яростнее их месть тем, кто однажды выплёскивает рыбок на грядки. «Это все равно как если бы нас бросили в огонь». Что ж, потомки Башмачкина, уже мертвецом стаскивающим со всех прохожих шинели, именно местью и должны были отозваться на гибель самого дорого для них.

Но автор вновь показывает бессмысленность и опасность такого пути. «Праведная» месть обернулась вандализмом. Второе потрясение, приходится испытать главной героине, когда она узнает, что Светлана Павловна собиралась развести чудесный сад в школьном дворе и верила в своих учеников – они не уничтожат красоту. Сама вера в человека уже кажется девочке чудом. И Кирпич, казалось бы «прямоугольный», примитивный Кирпич, вдруг понимает истинную причину поведения ребят и вдруг становится «самым лучшим человеком на свете». После этой истории разведение рыбок, уцепившись за хвост которых, можно выплыть из болота, засасывающего «чувства добрые», становятся реальным шансом на спасение для многих в классе.

Но автор повести далека от наивной сентиментальности и не надевает на читателя «розовые очки». Ребят подстерегают новые опасные ситуации, когда они достигают поры «первой мессы пола». Из троих друзей только одной главной героине удаётся сохранить своё лицо, сохранить себя. А впереди – взрослая жизнь, уже после школы. «Нас выпускают на все четыре стороны. Выплёскивают, как рыбок из аквариума. Пусть не на грядку, в рассаду помидоров, где мы бы сразу задохнулись. Нас выплеснут в более подходящую среду. В какую-нибудь захламлённую речку, куда сливаются отходы с нашего завода. Там по воде будут плыть радужные нефтяные пятна, и мы сквозь них будем смотреть на солнце. Не каждая рыбка выживет в такой воде. Но некоторые все же ухитряются там выжить». Ухитряются выжить – автор произносит это с горькой иронией и тревогой. Но повесть утверждает, что есть и прямой путь, без ухищрений. Главная героиня смогла пройти через все испытания и беды благодаря искренности, душевной опрятности и доброте. Именно это помогает маленькому человеку расти. И сохранить в себе эти ценности возможно, какие-либо сложные ситуации не подбрасывала жизнь. Может быть, именно этой веры не хватает сейчас так многим? И так важно, чтобы они вовремя поняли свою непраоту. В этом им поможет Инга Понорницкая.

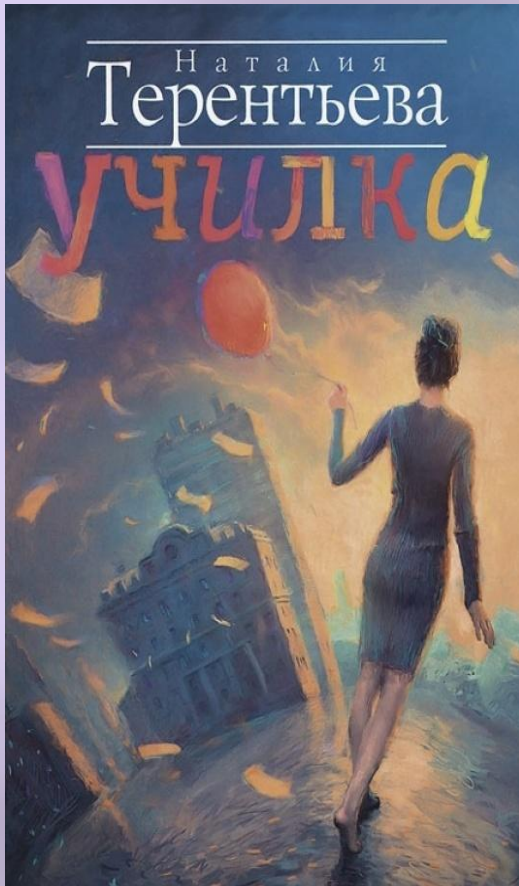
Вторая повесть «Школа через дорогу» о том, как отстаивает себя ещё более юная девочка – Светка учится в младших классах. С мамой ей, как говорят соседи, повезло. Мама чуткая и заботливая. Да вот беда – наконец-то устроилась на работу. И теперь у неё нет ни сил, ни времени на то, чтобы решать проблемы дочери. А той из-за нового графика работы матери приходится перейти в другой класс и там её встречают в штыки. Все проблемы Светке приходится решать самой. И она решает не только свои, но и чужие. Главное – она помогает людям быть добрыми, протягивать навстречу друг другу руки. Ведь для самой Светки даже яблоко – друг. Повесть «Школа через дорогу» более светлая, более лёгкая, но едва ли не на каждой её странице разрешается та или иная проблема, с которой уже не в книге, а в жизни маленькие люди встречаются постоянно. И так здорово, что у них есть возможность усвоить добрые и ненавязчивые, живые и трогательные уроки талантливой «Школы через дорогу».

Камаева, Ольга.

Ёлка. Из школы с любовью, или Дневник учительницы : [роман] / Ольга Камаева. - Москва : АСТ ; Санкт-Петербург : Астрель-СПб, [2013]. - 285, [1] с. : ил.

Пронзительный и лиричный роман о молодой и увлеченной своим делом учительнице Елене Константиновне по прозвищу Ёлка и о ее столкновении с жесткими и не самыми благовидными реалиями современной школы. "Идеалистка",- вздыхали ей вслед одни. "Дура",- вертели пальцем у виска другие. А она верила, что сможет что-то изменить - ведь в школе все зависит от учителя. "Ты же через полгода сбежишь",- убеждали ее пессимисты. "Максимум, через год",- великодушно давали отсрочку оптимисты. "Вы - лучшая!" - писали ей ученики. "Им дают, а они еще недовольны... Зажрались",- выговаривала ей в спину чиновница. А она все повторяла: "У меня получится!" И опять шла на урок в свой 9-й класс... Книга в виде дневниковых записей о буднях молоденькой учительницы только начинающей свой путь в школе. Елена Константиновна, прозванная учениками Ёлкой, к своей первой работе подходит со всей ответственностью: она еще внимательно выслушивает советы коллег, старается украсить вверенную ей убогую классную комнату, пытается поближе познакомиться с семьями своих подопечных, задает себе вопросы о морали и совести. Ёлка воспитана на твердых моральных принципах, привитых матерью, ей сложно отстаивать свое мнение в коллективе, сложно мириться с несправедливостью: незаслуженные оценки, нападки завуча, борьба с системой и т.п. Всё происходящее в стенах школы она старается понять и осмыслить; оправдать не получается, а наблюдателем быть не хочется. Она по капельке осознает, что "педагогике учат те, кто сам в школе никогда не работал! Вы можете представить, чтобы будущих хирургов учил человек, который операционную только в кино видел?" К середине года Елена Константиновна начинает ясно понимать, что юный сын бизнесмена закончит школу с золотой медалью, чего бы это ни стоило!; что в учительской есть такие учителя, которые не "прогибаются" под систему, а другими методами добиваются уважения; что преподавание в школе тяжелее обучения. "Уже несколько раз спрашивала себя: почему в институте в нас пять лет запихивали всякую ерунду и не учили главному: что делать, случись конфликт?" Ёлка пытается подстроиться, "ломает" себя, но эта ломка изначально ни к чему хорошему привести не могла.

Терентьева, Наталия Михайловна.

Учителька / Наталия Терентьева. - Москва : АСТ, [2014]. - 477, [1] с. ; 21 см. - (Там, где трава зеленее... Проза Наталии Терентьевой)

Ее жизнь похожа на сказку, временами страшную, почти волшебную, с любовью и нелюбовью, с рвущимися рано взрослеть детьми и взрослыми, так и не выросшими до конца. Рядом с ней хорошо всем, кто попадает в поле ее притяжения, - детям, своим и чужим, мужчинам, подругам. Дорога к счастью - в том, как прожит каждый день. Иногда очень трудно прожить его, улыбаясь. Особенно если ты решила пойти работать в школу и твой собственный сын - "тридцать три несчастья"... Но она смеется, и проблема съезживается под ее насмешливым взглядом, а жизнь в награду за хороший характер преподносит неожиданные и очень ценные подарки.

Вадим Фролов

ЧТО К ЧЕМУ

Фролов, Вадим Григорьевич.

Что к чему : [повесть] / Вадим Фролов ; [ил. А. Десницкая]. - [Москва] : Самокат, 2012. - 223 с. ; 21 см. - (Родная речь)

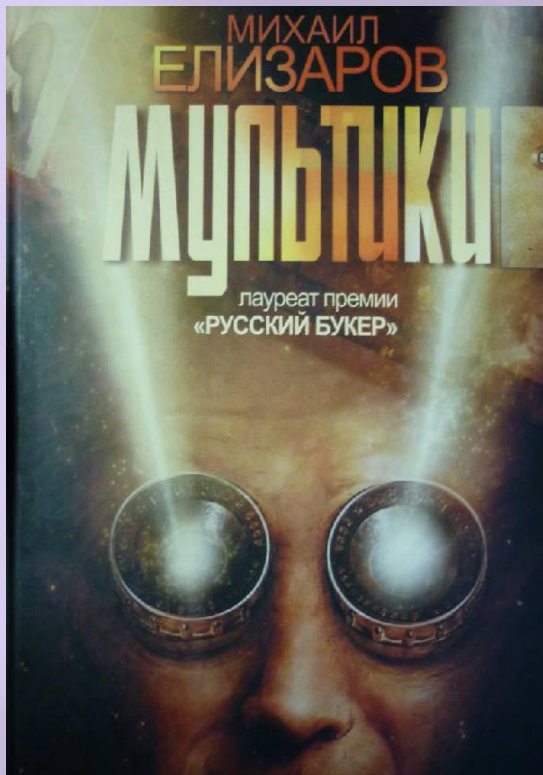
Повесть Вадима Фролова (1918-1994) написана в середине 1960-х годов, в пору "оттепели", когда стал возможным разговор с юным читателем на закрытые прежде темы. Это касалось не только политической истории: теперь на долю героя подростковой книги могли выпасть вполне серьёзные сердечные переживания - слабодушие и измена близких людей, любовь и первые "томления плоти"... И говорилось об этом серьёзно и прямо - так, как в повести В. Фролова "Что к чему". Книжка написана от лица подростка, но адресована, мне показалось, в первую очередь взрослым. Наверное, многим знакома растерянность ребёнка, впервые осознавшего, что взрослые — не божества и в конечном итоге за каждый свой шаг ты отвечаешь сам. Наверное, многие от этой растерянности так и не излечились. Иначе зачем бы взрослым городить столько правил и условностей, предрассудков и стереотипов — этих безопасных заасфальтированных дорожек жизни. Иначе почему взрослым так хочется подольше оттянуть тот момент, когда придётся вывести своих детей из райского сада детства в тёмный лес большой жизни, где уже не понять, что к чему.

Так же и взрослые в этой книге всячески ограждают главного героя от истины, которой всё равно суждено открыться.

Пономарёва, Светлана Витальевна.
Боишься ли ты темноты? : [повесть] /
Светлана и Николай Пономарёвы; [худ.
Н. Сапунова]. - Москва : Центр Нарния,
2010. - 275 с. - (Мир для всех. Там где мы
живем).

Ярославу было 14, когда он потерял обоих родителей в автокатастрофе и едва выжил сам. После всех больниц он попал в обычный детский дом, где живут дети, хлебнувшие в жизни горя, предательства и унижений. Потом в детском доме пришёл работать ночным воспитателем Сергей, служивший в Чечне. Непросто было Сергею довести до конца решение взять под опеку больного и трудного подростка. Но верность Сергея своему слову и поддержка его матери преодолели все преграды, Ярослав снова обрёл семью и дом. Для старшего школьного возраста.

Елизаров, Михаил Юрьевич.

Мультики : [роман] / Михаил Елизаров. - Москва : АСТ: Астрель, [2010]. - 317, [1] с.

Михаил Елизаров - один из самых ярких и талантливых современных писателей, лауреат премии "Русский Букер". Его проза притягивает, будоражит, действует, не оставляя ни одного шанса читательскому равнодушию. Главный герой нового романа - советский подросток конца восьмидесятых. Место действия - окраина промышленного мегаполиса, где дворовая шпана зарабатывает деньги на показе "мультиков" зазевавшимся гражданам. Но "произведение о детстве" трансформируется в сюрреалистический кошмар. Реальность подменяет мистификация, пространство и время мутируют, нарисованный мир диафильма оживает, обнажая бездну

Хорошо быть
тихоней

Стивен Чбоски

Чбоски, Стивен.

Хорошо быть тихоней : роман / Стивен Чбоски ; [пер. с англ. Е. Петровой]. - Санкт-Петербург : Азбука, [2014]. - 285, [1] с. ; 20,5 см. - (Азбука-бестселлер)

Автору романа «Хорошо быть тихоней» удалось без малейшей фальши или каких-либо крайностей показать подростков, которые иначе воспринимают мир и саму жизнь, чем уже взрослые люди. В таком возрасте всё то, что взрослые люди считают надоевшим или банальным, воспринимается остро и ярко. В таком возрасте любая мелочь может оказать большое влияние на становление характера, любая прочитанная книга может изменить уже почти сформировавшийся характер, а любой новый друг или же враг может полностью изменить жизнь подростка. Книга «Хорошо быть тихоней» имел необычайный успех среди читателей, было продано свыше одного миллиона экземпляров, данный роман был признан бестселлером еще в 16 странах. Что неудивительно - в книге замечательно переданы все те эмоции, которые испытывает подросток в пору взросления - одиночество, непонимание. Опубликованная в 1999 году, книга рассказывает историю жизни молодого парня по имени «Чарли», который описывает события своей жизни в письмах другу. Каждая новая книга, прочитанная по совету Билла, учителя литературы, тут же становится у Чарли самой любимой: «Убить пересмешника», «Питер Пэн», «Великий Гэтсби», «Над пропастью во ржи», «В дороге», «Голый завтрак»... Билл советует Чарли «быть не губкой, а фильтром», и тот честно пытается.

Подводя итог, следует отметить, что любое изменение в настроении общества, его образе мыслей проявляется в сфере образования. Учитель тоже меняется в соответствии со временем, а это влияет на отношения его с учениками.

Среди зарубежных авторов, произведения которых посвящены детству и школе, особо можно выделить имя французского писателя **Даниэля Пеннака**. Нестандартный сюжет повести «Господа дети» раскрывает сложность мира детства. Перед нами вечные вопросы – отсутствие понимания между учителем и учениками, спор двух поколений, взаимоотношения между подростками, внутрисемейные проблемы. Герои повести, трое подростков, превратившись во взрослых и испытав на себе многочисленные трудности этой жизни, поняли, насколько прекрасно быть детьми. Через всю повесть проходит мысль о том, что детей нельзя лишать детства.

Вывод:

Итак, какова же динамика образа учителя в художественной литературе ушедшего века. Классика XX века видела в образе учителя гуманистическую идею добра, она утверждала, что «учитель сердце отдает детям», что он видит в школе свою жизнь, а учительство – это служение. И именно этот художественный образ (учительницы французского языка из рассказа «Уроки французского» В.П. Астафьева) был в сознании читателей ушедшего XX века. Их сменили образы учителей-новаторов, которые борются с рутинной, авторитарными традициями школьной повседневности. Мы можем сказать, что учителя в те годы были образованнейшими людьми, которые несли в народные массы культуру поведения. Учитель был образцом для подражания, всё делал для того, чтобы людям жилось лучше, трудился с полной самоотдачей.

В конце XX века происходит подмена духовных ценностей материальными, общественных интересов личными, и учитель занят своей карьерой, зарплатой, что отражается на его отношениях с учениками. В литературе этого периода образ учителя приобретает отрицательные черты.

Сегодня ситуация усугубляется: отношения ученика и учителя становятся все более натянутыми. Соответственно меняется художественный образ. Однако все острее чувствуется необходимость появления нового типа учителя – понимающего, воспитывающего.

Пока ещё в новейшей российской литературе почти нет произведений о лучших учителях нашего времени, во всяком случае, их до обидного мало. Но сомневаться в том, что такие люди есть, не приходится. Современный учитель отдаёт детям весь жар своей души, все свои знания, а если нужно – и жизнь. Пример тому – высокий подвиг самопожертвования учителя школы города Беслана. До последнего мгновения он оставался со своими учениками, спас многим жизнь, мог бы спастись и сам. Но он оставался до конца с детьми и погиб вместе с ними, не покинув своих учеников. Пройдёт немного времени, и об этом человеке напишут книгу.

**Уважаемые читатели!
Представленные на выставке
книги можно взять на
абонементе художественной
литературы по адресу: ул.
Красноармейская, 2.
Будем рады видеть с 8.00 до 19.00.**